

Рибалка Валентин Васильович,
доктор психологічних наук, професор,
провідний науковий співробітник
відділу педагогічної психології і
психології праці Інституту
педагогічної освіти і освіти дорослих
НАПН України, Київ.

**Честность и правдивость творчески одаренной личности как духовная
основа ее исканий истины, служения правде, противодействия лжи и
бесправью**

Важность рассмотрения феноменов честности и правдивости личности перед людьми и перед самой собой демонстрируется всей историей человечества, которая содержит бесчисленное множество примеров героических и драматических исканий Истины и жертвенной преданности Правде, благодаря которым и происходит прогресс человечества. Эти примеры представляют собой высочайшие образцы человеческого духа, которые являются ценностными ориентирами для современной одаренной молодежи. Последняя, движимая близкими ее природе духовными идеалами в своей жизни, не может не заметить ожесточенной борьбы между носителями истины и лжи, правды и несправедливости в окружающем ее социуме и оказывается перед выбором – либо служения истине и правде или уступок и прислуживания лжи и бесправью.

В связи с этим, сошлемся на приведенные академиком И. А. Зязюном в монографии «Философия педагогического действия» бессмертные слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже! (в других источниках – «...но истина – еще больший друг!») – [26, С. 174]) и признание Иисуса Христа, сделанное им на допросе у Понтия Пилата незадолго до своего распятия: «Я для того и родился и в мир пришел, чтобы открыть истину!», – на что тот задал ему вопрос: «Что такое истина?» Под знаком этого вопроса развивается уже несколько тысячелетий, как считает И. А. Зязюн, европейская культура, наука, образование [8]. За истину и правду отдали свою жизнь тысячи известных и еще больше неизвестных мыслителей, начиная от Сократа и Джордано Бруно до Николая Вавилова и Андрея Сахарова.

Честность и правдивость личности относится к числу тех ключевых человеческих качеств, от которых, по утверждению члена Римского клуба АурелиоПеччеи, в конечном счете зависит спасение самой цивилизации, оказавшейся перед лицом порожденных ею же драматических вызовов – со

стороны экологического, экономического, нравственного кризиса, терроризма, угрозы ядерного самоуничтожения. Подтверждением этому фатальному противостоянию истины и лжи являются многочисленные высказывания ряда мыслителей и народная мудрость, например:

- «Аще же любишь неправду, ненавидишь твою душу». – Г. Сковорода [13, С. 39];
- «Ложь, как известно, есть мать всех пороков». – М. Салтыков-Щедрин [26, С. 203];
- «...Ложь скоро умирает: она носит сама в себе смерть с минуты своего рождения, – а истина остается». – В. Белинский [13, С. 23];
- «Скажешь правду – достигнешь славы, неправду скажешь – кровью захлебнешься» (узбек.) [13, С. 82];
- «...Следует, как злейших врагов человеческого рода, избегать неправды, лжи, предрассудков и прочих зол...». – А. Дистервег [13, С. 31];
- «Что лживо, то и гнило» [13, С. 75];
- «Если наживешь барыш ложью, в конце концов будешь в убытке; если потеряешь убыток от правды, в конце концов будешь в барыше» (казах.) [13, С. 83].
- «Лучше горькая правда, чем красивая ложь» [13, С. 61];
- «Мир только правдою держится» [13, С. 51];
 «И день идет, и ночь идет,
 За голову схватившись в муке,
 Все думаешь, когда ж придет
 Апостол правды и науки!». – Т. Шевченко [13, С. 48];
- «Чья правда, того будет и сила». – Леся Украинка [13, С. 47];
- «...Истина дороже жизни...». – А. Герцен [13, С. 26];
- «Ценна только правда на свете,
 И правду должны мы поднять». – П. Тычина [13, С. 46];
- «Все лучшее, что есть в нашем народе: трудолюбие, честность, правдивость, беспредельная доброта, художественная одаренность». – О. Гончар [13, С. 30];
- «Правда людская – наша мать». – Л. Костенко и др.

Так что же такое истина и правда, честность и правдивость, а с другой стороны – ложь и неправда, лживость и несправедливость, от которых зависит сама жизнь и смерть человека и человечества? Как они появляются, как существуют сами по себе, как соотносятся друг с другом и как становятся предметом выбора одаренной молодежью во имя спасения и процветания. В связи с этим, обратимся к общепринятым определениям этих понятий в философии, психологии, педагогике, начиная с истины и правды, и заканчивая ложью и неправдой.

Так, в философском словаре под редакцией И. Т. Фролова утверждается, что **истина** – это «верное, правильное отражение действительности в мысли,

критерием которого является практика. Характеристика истинности относится именно к мыслям, а не к самим вещам и средствам их языкового выражения». В материалистической философии при обосновании понимания истины рассматриваются такие ее диалектические аспекты, как объективный и субъективный, абсолютный и относительный, конкретный и абстрактный, выделяются теоретические и практические критерии истины [24, С. 176].

Известный украинский педагог, академик С. У. Гончаренко говорит об **истине**, как об «адекватном отображении в познании объективной действительности, воссоздании ее такой, какой она существует вне и независимо от сознания. Проверка истины осуществляется путем сравнения ее с практикой, опытом (практическая проверка), а также другими истинными утверждениями (логическая проверка)» [5, С. 150–151].

Развернутое определение **истины** дается в современном украинском философском энциклопедическом словаре, составленном под редакцией В. И. Шинкарука, в котором утверждается, что истина как «философская категория, вместе с категориями добра, красоты и свободы отражает глубинный смысл человеческого мироотношения и постижения бытия, поисков человеческого духа и создания гуманистических идеалов; выражает сущностное содержание и непосредственную цель познавательного процесса и характеризует его результат – знание как адекватное отображение субъективной и объективной реальности в сознании человека. Истина устанавливается посредством определения соответствия познавательного образа, знания реальному состоянию вещей в действительности, что придает истине по своему содержанию независимость от субъекта. Однако это соответствие не рассматривается как полное совпадение познавательного образа и объекта, поскольку последнему присуща познавательная неисчерпаемость, а процесс познания всегда обусловлен исторически, ограничен в своих познавательных возможностях, зависит от уровня развития познавательного инструментария. На каждом конкретном уровне познавательный образ относительно верно отображает объект, но с развитием познания пополняется новыми качественными определениями предмета, все точнее его отображает. Поэтому истина не есть что-то статичное и неизменное, а рассматривается как непрерывный процесс последовательного приближения к полноте воссоздания... В процессе познания истина реализуется через следование принципу объективности, что требует рассматривать объект таким, каким он есть на самом деле, в объективной реальности; всесторонности, когда объект должен рассматриваться во всей его многосостоятельности, качественном разнообразии, во взаимосвязях и опосредствованиях; принципу доказательности, когда за достоверное принимается лишь знание, которое

имеет достаточное теоретическое и эмпирическое, логическое и практическое обоснование. Тем самым категория истины отсекает от настоящего познания различного рода его суррогаты. Будучи продуктом познания, истина в сфере культуры приобретает ценностное значение. Определение смысла познавательной деятельности как служения истине придает категории истины нравственное звучание. Противоположными категории истины выступают понятия «обман», «заблуждение», «недостаток», «обманчивость», «неточность», «ошибка», «погрешность», «оплошность», «промах», «упущение», «пробел». П. Елон [23, С. 252-253].

Выделим эти принципы познания истины вместе с их антиномиями: это принципы объективности (субъективности), всесторонности (односторонности), доказательности (бездоказанности), а также абсолютности (относительности), конкретности (абстрактности), – что важно для наших дальнейших рассуждений.

Как утверждается в «Философском энциклопедическом словаре», правда (от праслав. *prav* – правило, присяга, закон, договор) – это «особая форма соединения истины с жизненными нормами человека. Правда – это истина, которая стала принципом жизни. Поэтому не может быть универсальной правды, поскольку не существует универсального человека. Благодаря тому, что правда требует определенных форм соединения истины с жизнью, она является многоипостасной, может приобретать разные виды, в то время как истина одна относительно определенной предметной области. Правда строится, истина открывается, истина доказывается, а правда утверждается жизнью или личным примером. Категория правды особенно важна в художественном познании, в частности, в литературе, в произведениях которой каждый герой может иметь свою правду. Эта множественность правды лишь подтверждает художественность произведения, ибо освещение жизни предусматривает многообразие состояний ее адекватного осуществления или отображения. Но при всей многоипостасности правда включает нормативный аспект, идеал. В этом понимании она соединяется с идеей справедливости, которая имеет интерсубъективное значение» [23, С. 506–507].

В этом определении дается ссылка на славянское происхождение понятия правды, в связи с чем сошлемся на написанную еще в XI столетии «Русскую правду» Ярослава Мудрого, в которой приводится первый письменный свод прав, законов, фактически правовой кодекс Киевской Руси. Интересно, что содержание «Русской правды» отражает суровую реальность того времени и регламентирует поведение сторон в экстремальных ситуациях, в основном, в вопросах возмещения сторонами ущерба в случаях убийства, ранения, обмана и т.д. Позже, в известной Конституции прав и вольностей Войска Запорожского

Филиппа Орлика, составленной в 1710 г., устанавливались более универсальные правовые нормы функционирования государства и общества, например, предусматривалась независимость судебной власти, обозначались основы местного управления, правила выбора гетмана запорожского войска, другие стороны организации казацкой республики. Эта Конституция, как известно, никогда не вступала в силу, но заложенные в нее нормы в значительной мере де факто, практически применялись в суровое время борьбы за независимость Украины.

В современной Конституции Украины утверждаются уже демократические права человека – на равенство всех граждан перед законом, уважение человеческого достоинства, свободу мысли и слова, мировоззрения и вероисповедания, на свободное и всестороннее развитие личности, на гражданство, жизнь, охрану здоровья, образование и т.д. То есть, за тысячелетие понятие правды, составляющих ее прав и обязанностей кардинально изменилось – гуманизировалось, персонализировалось. Честность и правдивость стали принципиальными качествами человека, обеспечивающими его переход от состояния варварства в более цивилизованное современное состояние гражданства строящегося правового демократического государства.

Роль **правдивости** в жизни человека подчеркивал И. Кант, который в конце XVIII века определял ее следующим образом: «...правдивость во внутреннем признании перед самим собой, а также в отношениях с каждым другим, если она стала высшей максимой, – вот единственное доказательство сознания человека, что у него есть характер; а так как иметь такой характер – это минимум того, чего можно требовать от разумного человека, а вместе с тем и максимум его внутренней ценности (человеческого достоинства), то принципиальность (обладание определенным характером) должна быть доступна самому обыденному человеческому разуму, и в смысле достоинства она ставит такого человека выше самого большого таланта» [9, С. 390].

В этом же смысле высказался позже Л. Толстой: «Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства» [26, С. 333]. О значении правды для человека точно сказал Дж. Лондон: «...правда величайшая в мире вещь. Хочешь быть великим, будь правдивым. Если ты подавляешь правду, если ты прячешь правду, если ты не поднимаешься и не высказываешься начистоту..., если, выступая, ты говоришь **не всю** правду, тогда ты менее правдив, чем **правда**, и настолько ты менее велик...» [13, С. 34].

Современные психологи понимают **честность** как «моральное качество личности, которое выражается в верности долгу и своим убеждениям, в умении добросовестно относиться к порученному делу», а **правдивость** – как

«позитивное нравственное качество, выражающееся в том, что слова человека соответствуют его мыслям, чувствам и не расходятся с делом» [20, С. 209, 122]. Интересно, что подчеркиваемое во втором определении соответствие служит, по данным психологов, в частности К. Роджерса, фактором успеха деятельности, здоровья личности, а несовпадение или так называемая неконгруэнтность – причиной ее расстройств, невротизации, болезни.

Стремление к истине и правде, честности и правдивости настолько важно для существования человечества, что в мировом сообществе постепенно были созданы и успешно функционируют специальные институты открытия, установления, хранения и усвоения истины в виде образующих ее точных знаний, научных законов, правовых норм, правил поведения, фактологической информации и т.д. Это, прежде всего, институт науки, о глобальной многоотраслевой, интернациональной организации которой говорил еще в первой половине XX века первый президент Украинской академии наук В. И. Вернадский. К числу таких институтов Истины и Правды относятся система правового законодательства, судебная система и правоохранительные органы, призванные защищать права граждан, искусство в своей функции эстетического познания и утверждения правды жизни человека, разведывательные службы государств, государственные и частные бюро расследований, разнообразные музеи и архивы и т.д.

Наиболее организованной и эффективной в поисках Истины является наука, которая может быть образцом в этом отношении для остальных институтов человечества. Свидетельством этого является сама процедура строгого объективного познания Истины в форме специально организованного научного исследования. Существует как общая нормативная организация научной деятельности, так и специальные ее формы для различных наук. Поскольку данная книга посвящена психологии развития творчески одаренной личности, то мы приведем здесь пример организации научного исследования в области психологии, конкретно – педагогической и возрастной психологии, в которой преимущественно работает автор данной книги. При этом мы будем ориентироваться на общую схему научного исследования, приведенную известным организатором психологической и педагогической науки академиком С. У. Гончаренко [4]. В соответствии с этим, в психологическом исследовании можно выделить семь этапов.

1. Психолого-педагогическое исследование начинается с определения его замысла, который вытекает из необходимости, актуальности рассмотрения некоторого противоречия в картине изучаемого психического явления, что

диктует формулирование определенной проблемы и цели психологического познания этого явления, выражающееся в теме исследования.

2. Проводится теоретический анализ имеющихся научных данных по выбранной проблеме или состояния ее разработки, для чего изучается научная литература по выбранной или смежным проблемам.

3. Формулируются гипотеза и задачи исследования, определяется методологический подход к нему, то есть принципы, рабочие понятия, план, программа, структура, стратегия исследования.

4. Выбираются адекватные (цели и задачам) методы исследования – теоретические и эмпирические: сравнительный анализ и синтез, систематизация и классификация, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, моделирование и концептуализация; наблюдение в необходимых и адекватных его формах и видах, опрос, беседа, пилотажный, констатирующий и формирующий эксперимент, разнообразные виды тестирования и т.д.

5. Проводится исследование на всех его этапах – теоретическом, констатирующем и формирующем, сбор и фиксация в протоколе данных исследования.

6. Осуществляется интерпретация полученных протокольных данных с помощью приемов количественного (статистические методы оценки средних, распределения, корреляционный, факторный, регрессивный анализ и т.п.) и качественного (описание, сравнение, систематизация, оценка и т.д.) анализа, комплексная качественно-количественная интерпретация данных и формулирование выводов.

7. Результаты исследования оформляются в виде отчета, диссертации, автореферата, монографии, статьи, текста доклада и публичной их презентации на заседании лаборатории, ученого совета, семинара, конференции, защиты на ученом специализированном совете, перед научным сообществом, в научной прессе и т.д. – с указанием теоретического и практического значения, достоверности, новизны, данных об апробации, экспертизе в виде рецензий коллег, внедрении, получаемом при этом эффекте и т.п.

Объективность, достоверность, теоретическое и практическое значение результатов исследования обеспечивается также этическими нормами научной деятельности. Значение этических основ осуществления научного исследования хорошо осознается организаторами науки в современной Украине – в условиях переходного периода, когда увеличилось число «заказных» исследований с заранее готовыми, «нужными» результатами, predetermined личными интересами недобросовестных политиков, предпринимателей, выгодой корпораций и фирм. Результаты этих исследований часто далеки от истины, они содержат элементы фальсификации, преднамеренного искажения правды, а

то и откровенную ложь, опасную для общества и его членов, что дискредитирует науку и власть, снижает доверие населения к продекларированным целям построения правового, демократического, социально справедливого государства.

В связи с этим, правомерным стало появление Этического кодекса ученого Украины, принятого 15 апреля 2009 г. на Общем собрании НАН Украины, опубликованного в том же году и перепечатанного через два с половиной года в Бюллетене ВАК Украины [7, С. 7-10]. Основной задачей данного кодекса является «придание приоритета нравственным измерениям науки и социальной ответственности научного сообщества и каждого ученого в отдельности» [7, С. 7]. В нем содержатся 53 пункта, сгруппированные в 7 групп, такие как: 1) Общие положения; 2) Научные исследования; 3) Ученый как автор; 4) Ученый как руководитель; 5) Ученый как преподаватель; 6) Ученый как консультант и эксперт; 7) Ученый как гражданин.

Учитывая доступность этого Этического кодекса для читателей и его значительный объем, мы приводим здесь близкий к нему вариант кодекса ученого, систематизированный нами на основе предложенного академиком С. У. Гончаренко варианта, в котором с разрешения автора выделено 25 пунктов [3, С. 26-33].

Этический кодекс ученого

1. Служение Истине является высшим долгом и обязанностью ученого перед обществом и самим собой.

2. Научная деятельность должна быть полезной для общества и людей, улучшать их жизнь.

3. Ученый ответственен перед обществом за объективность и истинность результатов своего научного исследования.

4. Утверждение достоинства и суверенности разума является основой научного познания.

5. Ученый исходит из универсальности научных знаний, их доказанности и независимости от личности автора.

6. Научному работнику должен быть присущ организованный скептицизм, критическое отношение к своим работам и исследованиям других авторов ради утверждения Истины.

7. Полученные ученым знания должны быть коммуникативными и презентуемыми научному сообществу для их оценки специалистами.

8. Ученый обязан быть абсолютно честным и правдивым по отношению к результатам исследования, даже если они противоречат его ожиданиям и исходной концепции, особенно если эти данные оказываются ошибочными,

тогда следует признаться в ошибке и принять противоречивое знание как Истину.

9. Научный сотрудник должен соблюдать права авторства, полностью исключать плагиат и любые формы фальсификации научных данных.

10. Ученый должен быть компетентным в проблеме исследования, в ее предпосылках, уметь соотносить свои научные данные с трудами коллег и перспективами развития науки.

11. Настоящему исследователю присущи профессиональная независимость в постижении Истины и стремление обогатить науку новыми знаниями, а не финансовые, карьерные или честолюбивые интересы.

12. При поиске Истины ученый должен быть готов к восприятию нового, к сомнениям, риску, быть смелым, открытым к появлению неожиданных результатов, применять железную логику, а где необходимо и здравый смысл, фантазию, уметь вживаться в проблему. При этом не вредить репутации коллег, быть порядочным, стремиться к объективной оценке их поисков в ходе дискуссии, противодействовать распространению недостоверной информации, препятствовать экспансии лжи, псевдонауки и ненаучных знаний.

13. Научные издания трудов и выступления ученого на научных форумах, преподавательская работа и просветительская деятельность через средства массовой информации должны быть безупречными в этическом плане, содержать достоверную объективную научно-практическую информацию и исключать какую-либо рекламу, саморекламу и элементы недобросовестной конкуренции.

14. Научная этика предполагает неукоснительное соблюдение авторских прав своих коллег, включение в число соавторов всех лиц, принимавших участие в исследовании и написании научной работы, равно как и невключение в круг соавторов лиц, не имеющих к делу никакого отношения.

15. Недопустимым считается как равнодушное отношение ученого к искажению научной истины или утаиванию ее от членов научного сообщества, так и сокрытие ошибок и погрешностей научного исследования.

16. Ученый может и обязан выступать экспертом при анализе других исследований лишь в рамках своей компетентности и придерживаться при этом уважительного отношения к их исполнителям, не допуская никакой дискриминации к ним по национальному, половому, расовому, политическому, культурному, социальному признаку, высказывая свое мнение честно, непредвзято и четко, избегая как чрезмерно хвалебных и льстивых, так и пристрастно негативных высказываний.

17. Ученый несет персональную ответственность за честную и объективную оценку кандидатских и докторских диссертаций, выступая в качестве

официального или неофициального оппонента при их публичной защите, при написании отзывов на автореферат, а также рецензировании научных отчетов, монографий, пособий, рекомендаций, программ других авторов. Во всех этих случаях, особенно при высказывании критических замечаний, ученый как эксперт должен исходить из принципов фактологического обоснования, достоверности, независимости, равноправия.

18. В научных дискуссиях или конфликтах ученый должен ставить общие интересы науки выше собственных или корпоративных интересов.

19. Вся деятельность ученого осуществляется в условиях четкой системы организации и управления наукой как важнейшим социальным институтом и одновременно – свободы индивидуального научного творчества, мысли и слова – на основе высокого профессионализма, соблюдения этических норм научного производства новых идей и общения, соотнесения результатов своих научных поисков с данными других исследователей.

20. Ученый должен следовать высшим профессиональным стандартам планирования и проведения научного исследования на основе знания достижений мировой и национальной науки в определенной ее области, экономического обоснования путей изучения выбранной проблемы, объективности, логической и фактологической аргументации, исключения субъективизма и неправды.

21. Ученый честно и безупречно служит объективной истине, категорически отбрасывая слепую веру в авторитеты, мошенничество, фабрикации и фальсификацию данных, научное пиратство и плагиат, предвзятое отношение и влияние других лиц на характер получаемых данных и выводов.

22. Недопустимыми являются попытки руководящих научных кадров преднамеренно влиять на характер получаемых в исследованиях данных и выводов. Научный руководитель формирует исследовательский коллектив на основе беспристрастной оценки интеллектуальных, этических и личностных качеств его членов, противодействуя всем проявлениям протекционизма, коррупции и дискриминации, взаимодействуя с сотрудниками на принципах справедливости, доброжелательности, поддержки, помощи в профессиональном становлении, объективности, содействия в служебном продвижении в соответствии с ростом их профессиональной квалификации и добросовестного отношения к труду.

23. Руководитель научной школы не перекладывает на своих сотрудников выполнение заданий, которые он должен выполнять сам, он обязан обосновывать, а не навязывать своим ученикам и членам научной школы собственное видение решаемой проблемы.

24. Глава научной школы должен с уважением относиться к свободному и критическому мышлению членов школы, к их личности, не препятствовать общению своих учеников с другими учеными и научными коллективами, с участниками других научных школ, уважать их право на свободное объединение, самоуправление и членство в коллегиальных академических организациях, прислушиваться к мыслям представителей научного сообщества о тематике, методах и формах проведения исследований.

25. Научный работник не должен заниматься в рабочее время политической, националистической, религиозной агитацией и пропагандой, побуждать коллег и своих учеников к действиям и поступкам, несовместимым со званием ученого [3, С. 26-33].

Следование этим этическим нормам способствует высокому качеству выполнения научных исследований и успешному внедрению их результатов в жизнь общества.

Честность и правдивость как качества личности не даются свыше, а целенаправленно формируются, начиная с детского возраста, при опоре на знание природы ребенка. Важной для педагогов является известная позиция И. Г. Песталоцци в этом вопросе: «Всякая истинная правда совершенно очевидно заложена внутри человека, и поэтому только она истинна... в глубине нашей души... Вообще необходимо добиваться такого положения, при котором стало бы невозможным, чтобы ребенок выиграл что-либо ложью; наоборот, быть пойманным во лжи должно представлять для него существенную опасность...» [13, С. 38].

Большое внимание воспитанию указанных качеств у детей уделяли выдающиеся украинские педагоги А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский, которые считали открытие истины и утверждение правды, противодействие лжи и несправедливости одной из главных задач работы школы с детьми.

Так, А. С. Макаренко исходил из того, что «честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправить запущенное...»

Честность всегда начиналась со слов «не хочу» – не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других внимания полного ко всем интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий» [13, С. 35].

В. А. Сухомлинский в своей статье «Воспитание в духе правдивости и честности» советовал воспитателям: «Больше всего опасайтесь фальши,

«раздвоения» души, сосуществования двух «правд»: одной для повседневной жизни, а другой для выступлений на собраниях, для передовых статей в стенгазету; опасайтесь лицемерия, очковтирательства, равнодушия, лжи, прикрываемых какими-то мнимо высокими целями» [22, С. 202]. Человек своего времени, выдающийся учитель предупреждал власть имущих: «Чтобы молодежь верила в коммунистические идеи (а он понимал их, в значительной мере, как близкие к вековым народным, общинным идеалам – Р.В.), чтобы коммунистические убеждения стали для них столь же дорогими, как личная честь, необходимо говорить ей честно и прямо всю правду и учить ее говорить только правду» [там же].

Как директор знаменитой Павлышской средней школы, В. А. Сухомлинский стремился вместе с педагогическим коллективом «духом правдивости, честности, непримиримости к злу, неправде, обману, фальши, очковтирательству... наполнить всю жизнь школы...». Он подчеркивал, что «весь уклад школьной жизни у нас продуман так, что ученик на каждом шагу соприкасается с ценностями, принадлежащими коллективу.

В обстановке использования материальных ценностей для удовлетворения духовных запросов коллектива нечестный, предосудительный поступок сразу же встречает общее осуждение.

На отношении личности к интересам коллектива проверяется, утверждается честность и правдивость.

Дух правдивости, честности, непримиримости к фальши и обману пронизывает и труд наших учеников...» [22, С. 202-203].

Очень важным условием воспитания молодежи в духе честности и правдивости В. А. Сухомлинский считал «право юношей и девушек говорить то, что они думают, без опасения встретить окрик вместо терпеливого разъяснения и помощи...» Молодым присуще побуждение «утвердиться в истинности, справедливости того, что мы, воспитатели, раскрываем перед сознанием наших воспитанников как святыню.

Мы, люди старшего поколения, стремимся отвечать на вопросы юношей и девушек, спорить с ними так, чтобы они сами находили жизненные факты, убеждающие в том, ...что миссия настоящего человека не пассивное наблюдение, а борьба, преодоление трудностей во имя правды и справедливости» [22, С. 206].

Эти мудрые советы педагога, как и других честных людей, не были услышаны власть имущими и случилось в очередной раз то, что и должно было случиться и случалось не один раз с обесчещенной страной.

В современной психолого-педагогической науке существует ряд конкретных методик формирования честности у учащейся молодежи. В связи с этим,

сошлемся на прикладные исследования молдавского педагога О. Д. Стаматиной, которая рассматривает воспитание у подрастающего поколения честности как важное условие становления этического компонента внутренней регуляции деятельности и поведения, как средство профилактики таких негативных качеств, как «раздвоение морали, двоедушие и искоренения таких нередко бытующих в нашей жизни... уродливых пережитков прошлого, как приспособленчество, попытки прикрыть свое бездействие громкими фразами, взяточничество, стяжательство, стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему взамен, бесхозяйственность и расточительство» [21, С. 126]. Речь идет о реалиях так называемого «развитого социализма», но как похожи эти реалии на состояние современного общества, в котором данные явления проявляются в еще более массовом, практически ничем не ограниченном виде...

И сейчас, возможно, будут полезны те рекомендации, которые дает ученый в своей методике формирования честности у старшеклассников, которая предполагает три последовательно сменяющие друг друга этапа, образующие определенное единство и являющиеся в то же время качественно своеобразными.

Их единство определяется тем, что учащиеся на каждом этапе должны были включаться «в такие виды и таким образом организованную коллективную деятельность, которые обеспечивали каждому постоянно усложняющуюся активную, самостоятельную позицию борца за осуществление, утверждение и отстаивание честности, требующую значительных физических и нравственных усилий. Качественное отличие данных этапов заключается в первую очередь в уровне саморегуляции честного поведения учащихся, в том смысле, который для них оно приобретает, в специфике побуждающих его мотивов и появляющихся новообразований личности» [21, С. 105-106].

Первый этап предполагает создание условий необходимости функционирования честности во всех сферах жизни и деятельности и формирования новых, социально более ценных мотивов, что может быть достигнуто, если [21, С. 106]:

- на реальное честное поведение мобилизуются все актуально действующие мотивы учащихся, включая социальные, личные, индивидуалистические;
- честное поведение становится необходимым условием и результатом выполнения поставленных школьникам задач, независимо от уровня сформированности у них данной черты, а нечестность незамедлительно отрицательно сказывается на благополучии как ответственных, так и виновных;
- старшие школьники получают удовлетворение не от реализации мотивов, которые побудили их действовать, а непосредственно от совершаемых ими честных поступков, от честно выполняемого долга, то есть от мотивов,

характерных главным образом для второй стадии сформированности данной черты.

Как подчеркивает О. Д. Стаматина, «задачам первого этапа наиболее адекватно отвечает недостаточно престижный для школьников, но высоко значимый для общества, требующий значительных нравственных и физических усилий, общественно полезный труд, в процессе которого между учащимися создаются отношения взаимной зависимости и ответственности, взаимного руководства и подчинения» [21, С. 106].

Второй этап воспитательного процесса предполагает появление «возможности и целесообразности включения старшеклассников в деятельность, которая своим содержанием и организацией требует от них честных поступков в ситуациях, когда нечестность не затрагивает непосредственно их интересов и одновременно стимулирует самовоспитание данного качества у школьников» [21, С. 106-107].

На третьем этапе создаются педагогические условия, когда «старшие школьники могут и должны занять позицию борца, проявить устойчивое, честное поведение и в случаях, когда оно может иметь для личности частные, но значительные отрицательные последствия. На этом этапе целесообразно включить старших школьников в деятельность, направленную на преодоление еще имеющих место фактов нечестности во внешкольной жизни, которая своим объективным содержанием и организацией позволяет»:

- познать диалектику соотношения добра и зла, старого и нового, природу, источники и корни бесчестности, убедиться в ее беспочвенности и нежизненности в окружающей действительности, усвоить пути преодоления данного, чуждого природе жизни и личности, явления;

- накопить значительный опыт отрицательных переживаний, связанных с нечестностью, сформировать у себя иммунитет к имеющимся недостаткам в отношениях между людьми;

- подняться до истинно ценностного отношения к честности, возвышенности исследуемой черты, слияния нравственного и эстетического в отношении к данному качеству;

- придать своему честному поведению устойчивый характер [21, С. 107].

Формирование автором честности у старшеклассников по данной методике проводилось во взаимосвязи с другими свойствами личности. Это повысило эффективность их развития, поскольку сама природа честности исключала искривление процессов обучения и воспитания, обеспечивала более полное и однозначное использование потенциала этих качеств, точно также как и сама деятельность и поведение, регулируемые этими качествами, становились

значительно более эффективными и результативными, чем если бы они строились на безнравственной основе.

В связи с указанными положениями и тенденциями гуманизации и демократизации системы образования, современный философ, психолог и педагог, академик И. А. Зязюн считает, что основной сквозной идеей гармонического развития личности в системе образования является ее воспитание «на основе Истины, Добра, Творчества, Свободы путем целеполагания исторических и новейших образовательных парадигм посредством философского любомудрия, с использованием психолого-педагогических и дидактических закономерностей» [8, С. 609]. Дополним это положение мыслью Г. Гейне: «Глубочайшая истина расцветает лишь из глубочайшей любви» [26, С. 173]. Любовь к истине выступает один из главных мотивов познания человеком природы и общества.

Утверждение истины и правды, формирование честности и правдивости личности в реальной жизни общества происходит в условиях непрерывного противостояния, противодействия честности и правдивости личности одних людей лживости и несправедливости других. Борьба Истины с Ложью осуществляется конкретными их носителями, имеющими такие черты личности, как: альтруизм и эгоизм, щедрость и жадность, ответственность и безответственность, собственно честность и лживость, правдивость и несправедливость и т.п. И в этом противостоянии творчески одаренная личность должна сделать свой выбор и занять свое достойное место. Трудно себе представить, что такая личность может выбрать себе в качестве идеала ложь и несправедливость, и тем более – борьбу за них. Фактически это означало бы разрушение самой личности, ее творческой одаренности.

Однако такая личность вынуждена порой жить, как об этом сказал американский психолог Пол Экман, в буквальном смысле, в «стране лжи» [25], имея в виду не только самое демократическое государство в мире – США, но и многие другие страны, с их лживыми руководителями, коррумпированными чиновниками, бизнесменами, политиками, военными, если рассматривать их поведение с этой неприглядной стороны. Жить в такой стране можно лишь при условии, когда знаешь природу лжи, понимаешь ее причины, умеешь распознавать ложь и неправду в поведении людей, изобличать лжецов, давать им оценку и призывать к ответу, и в то же время – предоставлять лжецам шанс на честное и правдивое поведение, побуждать людей жить по законам истины и правды.

Так что же такое **ложь**? Обратимся к мнению специалистов. Под данным понятием философы имеют в виду «высказывание, искажающее действительное положение вещей». Природу лжи «определил еще Аристотель,

который считал ложным то, что находится в противоречии с действительностью: если суждение соединяет то, что разъединено в действительности, или разъединяет то, что в действительности соединено, то оно ложно. От лжи следует отличать бессмысленницу или абсурд. С психологической и этической точки зрения следует различать ложь сознательную и ненамеренную», то есть заблуждение [24, С. 245].

В психологии **ложь** рассматривается как «феномен общения, заключающийся в намеренном искривлении действительного положения вещей; чаще всего она проявляется в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. Она представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение.

Как правило, ложь появляется благодаря жажде добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное, отсюда вытекает интенция первоначально измышлять ей новые подтверждения, а позже – полностью замалчивать. Если социально-психологически ложь всегда является средством, то в сфере психопатологии она выступает как цель мифоманов – психопатов, испытывающих удовлетворение от самого процесса введения окружающих в заблуждение» [16, С. 218]. Существует и так называемая патологическая ложь, «обычно сопряженная с некритической верой в реальность выдуманного. Дифференциация лжи и оценка ее конкретных проявлений возможна при условии правильного понимания мотивов и причин этого явления» [там же].

Педагоги выделяют также понятие детской лжи – как «сознательное искажение детьми действительности, уклонение от истины. Не все случаи искажения детьми истины могут считаться ложью. Особым видом утверждения неправды является псевдоложь, то есть ложь лишь по видимости. Характерным проявлением ее есть детская псевдоложь, когда ребенок высказывает что-то, не имея намерения кого-то обмануть и веря в то, что так есть на самом деле. Обычно детская ложь является следствием суровой, грубой, деспотической системы воспитания, которая основывается на запугивании, давлении с использованием физических способов влияния или наказания, которые унижают достоинство ребенка» [5, С. 44-45].

В «Психологическом словаре», изданном под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова рассматривается также такое качество личности, как **лживость**, то есть «форма вербального и/или невербального поведения, заключающаяся в намеренном создании искаженного представления о действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать

нежелательных последствий. Оно перекрывается по значению словами «ложь», «обман».

В тех случаях, когда лживость становится привычной формой поведения, она закрепляется и превращается в качество личности.

Следует различать лживость и детское фантазирование (связанное с воображением – Р.В.). Ребенок часто склонен изображать события не такими, какими они были на самом деле, а какими ему хотелось бы их видеть, ребенок фантазирует, играя или отождествляя себя с персонажами сказок. Такие искажения действительности можно назвать мнимой лживостью. Проявляется она довольно часто у детей 4-5 лет и обычно с возрастом проходит.

Лживость часто возникает в семьях, где слишком много запретов или где ребенку предъявляются непосильные для него требования. Можно выделить некоторые главные мотивы детской лживости: чувство стыда, когда ребенок стремится скрыть свой неблагоприятный поступок; страх перед наказанием (наряду со лживостью, в этом случае формируется лицемерие, приспособленчество, озлобленность), стремление к самоутверждению – в этом случае лживость может быть следствием желания привлечь к себе внимание, вызвать удивление окружающих или утвердиться в желаемой позиции. Лживость, связанная с хвастовством, может возникнуть и как защитный механизм, когда ребенок в ответ на недооценку его окружающими людьми стремится преувеличить свои достоинства. Способность к обманным действиям в естественных условиях демонстрируют и некоторые животные, например, шимпанзе» [15, С. 189-190].

В приведенных выше определениях истины и правды, лжи и неправды (ложь часто ассоциируют с неправдой) открывается сложный мир отношений человека к действительности как истинной и правдивой или лживой и несправедливой, требующей адекватной оценки, чтобы действовать правильно и безошибочно, эффективно и без потерь. Этот мир сложен, прежде всего, своим трудно понимаемым сочетанием этих понятий. Уже с детства человек вынужденно выступает в этом мире как истец или фальсификатор, как правдоискатель или мистификатор, как верификатор или софист и т.д. В сложнейших запутанных ситуациях жизни человек часто должен, но не может занять категорическую позицию яростного истца или непримиримого правдоискателя. С точки зрения приведенной в этих определениях гаммы признаков истины и лжи, люди могут одновременно выглядеть и невинными лжецами, и спешащими на защиту правды Дон-Кихотами. Разумеется, что истину и ложь, правду и кривду отделяет какая-то особая и непростая черта, содержащая в себе какую-то меру относительности, субъективности, абстрактности, заинтересованности, доверительности, полезности,

интеллектуализма, гуманизма, которую трудно точно описать, но можно интуитивно почувствовать. Существует, по-видимому, какой-то договорный, общепринятый, корпоративный, статистически средний эталон, порог честности и правдивости, ниже которого – ложь и несправедливость, а выше – истина и правда. При этом у истины и лжи данные пороги более жесткие, чем у правды и кривды.

К тому же само понятие истины, в широком смысле, как чего-то целостного, бесконечного, закономерного, однозначного, последовательно раскрываемого, к чему постепенно приближается познающее сознание, заставляет рассматривать ее как разворачивающееся в пространстве и времени, как пространственно-временное явление, когда фрагментарно познанный наукой беспредельный и вечный мир одновременно является и частично истинным, и частично ложным в своей познанности и непознанности. Вкусив от «древа познания», которое к тому же само разрастается в ходе эволюции природы и исторического развития общества, человек имеет дело с бесконечным и вечным процессом постижения истины о мире, в котором он живет и который преобразует.

В связи с этим, вспомним законы механики И. Ньютона, на которых основывалось миропонимание в средние века и которые как недостаточно истинные в конце позапрошлого и начале прошлого века сменили более точные законы математики, физики, химии, теории относительности А. Эйнштейна и другие законы, которые, в свою очередь, позже сами уже подвергаются сомнению, уточняются или заменяются новыми. Именно к этому относится парадоксальное, но в сущности верное утверждение Д. Джеральда: «Абсолютной истины не существует – такова абсолютная истина» [26, С. 173]. Можно сказать и иначе – за любой относительной истиной стоит настолько же относительная ложь, поскольку такая истина относится лишь к открытой части действительности, относительно же другой ее части ничего не известно и, возможно, эта другая часть может опровергнуть эту относительную истину об известной ее части, превратив ее в ложь. Исторический процесс познания истины изобилует подобными примерами.

И, наоборот, в своей жизни человек нередко как бы вынужден двигаться от очевидной, но необходимой, субъективной, абстрактной, относительной лжи и неправды к более объективной, конкретной, относительной истине и правде и наоборот. Достаточно только вспомнить волшебный и поучительный мир детской сказочной истины-лжи, в который невозможно не поверить («Сказка – ложь, да в ней намек, добру молодцу урок!») или защитный мир святой материнской правды-неправды с совершенно убедительной аргументацией, иногда дополняемой слезами и уговорами («Не говори об этом папе, иначе он

будет недоволен!»), когда неправдивая правда приобретает статус странного, но необходимого для ребенка спасительного и даже воспитательного средства. Как часто в повседневной жизни совершаются поступки, следующие странному здравому смыслу, утверждающему, что «разумная ложь лучше глупой правды» [13, С. 64], хотя и известно, что «и в бедах люди живут, а в неправде пропадают» [13, С. 68].

Почему, продолжим эту тему, признается необходимым, например, тем же кандидатом на выборах в парламент ложное обещание, которое никогда не будет выполнено, но которому верят избиратели, как бы добровольно договариваясь с таким лгуном и что-то получая от этой корыстной лжи во имя удовлетворения маленького, но конкретного интереса? Ведь общеизвестно к тому же, что «лгун сначала себя обманывает» [13, С. 84], а потом обманывает других. Может быть, маленькая ложь приносится здесь в жертву во имя какой-то большой правды? Где здесь проходит разделительная черта между истиной и ложью, правдой и неправдой? Возможно, она должна проходить с учетом реальной или мифической опасности или безопасности, заинтересованности или равнодушия человека, на основе какого-то важного консенсуса, договора в отношении правды и неправды?

Или же рассмотрим, например, искусство, в отношении которого однажды резко и парадоксально высказался Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что «искусство ведет человека к гибели»... Что имел в виду известный просветитель в этом высказывании, может быть, то обстоятельство, что оно имеет дело с художественным вымыслом, который в контексте рассматриваемой здесь проблемы можно назвать и эстетической правдой-ложью? Приведем здесь и другое, уравнивающее в какой-то мере указанное высказывание великого просветителя, выражение Ж. Ренара: «Правда не всегда искусство. Искусство не всегда правда, но правда и искусство имеют точки соприкосновения» [26, С. 332].

Для примера, рассмотрим театральное искусство, когда зритель знает, что изображаемое на сцене действие во многих отношениях является искусной ложью, отражающей определенную правду жизни. Чувствует ли себя в роли профессионального лгуна актер, мучается ли он угрызениями совести, обманывая зрителя, или же обожает искусство художественного обмана как необходимое для изображения правды жизни? О молчаливом согласии на очевидный взаимный обман артисты и зрители как бы уже давно договорились и испытывают от него огромное удовлетворение, оплачивая или получая за это деньги.

А поэзия и литература, как искусное сочинение красочного мира человеческой души, а иногда – фантастическое описание счастья, которое чаще

всего никогда не сбывается. Чем искуснее такая договорная правда-ложь, тем оказывается опаснее она для самого автора – вспомним жизненный финал А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина, В. Высоцкого и других поэтов. Их лишь временно спасало (но не спасло в конечном счете...) от мук такого искусственного правдиво-ложного творчества только столь же искренне-лживое признание восторженных и завистливых друзей и публики, предательски превозносящих их до неправдоподобных высот в случае успеха или отворачивающихся от них в случае неудачи. Вполне возможны и другие объяснения «поэтической трагедии» их жизни, но тогда какие из них могут выдержать строгую научную верификацию, рискуя оказаться софизмом или нарративом? Но, может быть, следует все же признать верным мнение о роли лжи в жизни и искусстве такого всемирно известного писателя и тонкого психолога, как А. Чехов: «Гля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу» и, добавим, – личность человека [26, С. 204]. Ложь и неправда унижает человека, поражает его честь и достоинство, уничтожает его ценность и самооценку [18].

То же самое относится и к некоторым жанрам изобразительного искусства, особенно к абстрактной живописи, как будто специально расчленившей образ человека и его внутренний мир на безжизненные элементы и тем самым превратившей утвердившийся в классической живописи истинный (по Аристотелю) целостный образ человека в ложные препарированные безжизненные его символы.

А некоторые жанры современного музыкального поп-искусства, разрушающего высокую истину симфонического образа человека и превращающего его в обезображенную низменную ложь похотливых эмоций и инстинктов, которые в естественном состоянии никогда в таком массовом количестве и таком децибельном грохоте не встречаются – может быть, именно такими искусственными средствами, под фонограмму («фанеру»), субкультура помогает естественному отбору быстрее отсортировать наиболее болезненную часть человеческой популяции от ее здоровой части и выводить за пределы жизни?

А что говорить о синтетических искусствах – кино и телевидении – содержание которых в условиях так называемой «свободы творчества» (или точнее – «свободы лжи и неправды»?!) превратило его наиболее низкопробные образцы в настоящий полигон лжи, цинизма, зла, ненависти, убийства, где изображаются и отрабатываются откровенные образцы и средства маргинализации человека? Вспомним, что первые кадры кинематографа вызывали жуткий страх у целомудренного и честного обывателя, но со временем и он согласился с условностями нового вида искусства, выработав в

себе условный рефлекс на искусную ложь с экрана, убивающую правду непосредственных образов жизни. Не зря же для продвижения этих «самых важных для народа искусств» так старается та реклама, что преуспевает в хорошо оплачиваемом мастерстве превращения лжи в правду и становится пособницей развращения эстетических вкусов людей. Может быть, именно в этом смысле был прав Ж.-Ж. Руссо?

Надежды Ф. Достоевского на то, что красота, как эстетическая основа искусства, «спасет мир», не оправдываются. Так, две мировые войны беспрепятственно прокатились по молчаливым архитектурным и историческим шедеврам Европы, Африки и Азии, разрушаемым под звуки военных маршей. Вместе с тем, классическая музыка европейских оперных театров спокойно освящала своим вечным духом миллионы озверевших убийц в солдатской форме, не отказавшихся ни по этой причине, ни по другим, умерщвлять десятки миллионов людей. А тот факт, что А. Гитлер был, как утверждают его биографы, неплохим художником, а И. Сталин – поэтом, делает такое художественное искусство союзником военного искусства, помогая превращать организаторов войны в настоящих фанатиков смерти, кровавой бойни миллионов людей... Эта странная многофункциональность искусства делает его равнодушным свидетелем борьбы между добром и злом, с которыми соотносятся истина и ложь, правда и кривда, жизнь и смерть...

Постоянство, с которым само искусство художественно правдиво, почти протокольно точно «отражает» войну и мир, жизнь и смерть, добро и зло, истину и ложь, лишь консервирует, сохраняет проблему, но отнюдь не решает ее...

Искусство, так же, как и отображаемая им жизнь, оказалось само беззащитным перед злом. Так же, как и жизнь, оно легко раздирается ложью на куски, а в уродливых своих формах становится искусным мастером пропаганды с экранов современных кинотеатров и телевидения, страниц газет и журналов, сайтов и блогов Интернета, маргинальных тенденций... Гуманизирующие и маргинализирующие роли искусства уже давно исполняются одновременно, нейтрализуя друг друга, утверждая и Добро и Зло, и истину и ложь, и правду и несправедливость. А если прибавить сюда еще и роль денег, до которых искусство оказалось таким падким, то нельзя не согласиться с мнением Жорж Санд о том, что приписываемая искусству «честность умирает, когда продается» [26, С. 525]. Но при этом не будем столь категоричными в отношении всего искусства и примем самокритично к сведению утверждение В. Пекарского о том, что иногда невольно «бывают ложные доказательства истины» [26, С. 173].

Конечно же, не все искусство грешит указанным выше художественным обманом. Важно отметить вечные жизнеутверждающие шедевры народной

музыки, архитектуры, классической живописи, литературы, поэзии, духовной музыки, вершины театра, кинематографа, танца, балета и т.д., которые доказали свою необходимость для культурного развития человека. Речь идет о суррогатном болезнетворном искусстве различных жанров, которое сверх всякой меры захлестнуло человечество и полезно, может быть, только какой-то его части, но не всем, и от которого здоровое большинство должно быть защищено. И тут позиция некоторых zaangażированных искусствоведов или критиков не только не защищает широкую публику от указанной опасности, но нередко сама потакает такому смертельно опасному лживому искусству. Жаль, что известные работы К. И. Станиславского по психологии «работы актера над собой» (в его системе проблема достоверности образа занимала главное место в подготовке артиста) и интересная докторская диссертация Л. С. Выготского по психологии искусства (в которой среди различных проблем рассматривались вопросы опосредствования художественного образа) не получили должного развития и не привели к появлению практической психологии искусства, занимающейся профилактикой лживости и утверждением правдивости в изображении художником жизни. Искусство тогда является верным, правдивым, жизнеутверждающим, когда отражаемая им Красота тесно связана с Добром и Истиной, с Верой, Надеждой и Любовью, этими испытанными жизнью основаниями духовности.

Сложные взаимоотношения между истиной и ложью пытается познать формальная логика, которая пользуется вроде бы четкими критериями определения истинности и ложности понятий, утверждений, умозаключений. Например, критерием выведения истины в ходе умозаключения являются: а) истинность исходных положений или предпосылок; б) законы и правила логической связи предпосылок в процессе рассуждения с логическими выводами [12, С. 14]. Но кто может проверить абсолютную истинность или ложность далеко не всегда формализованных предпосылок и правил самого процесса логического вывода с его субъективной психологией истины и лжи или парадоксальностью мышления, колеблющегося между противоречивыми полюсами правильного или неправильного в одном и том же положении?

Вспомним, что еще Аристотель утверждал в своем трактате «О душе», что учение о неделимом относится к той области, где нет ложного. А ложность и истина появляется там, где уже имеется сочетание мыслей, составляющих как бы одно целое [1, С. 436]. Он утверждал, в связи с этим, что «всякое высказывание истинно или (и – Р. В.) ложно. Между тем, не всякий ум таков: ум, направленный на существо предмета как суть его бытия, истинен [всегда]; ум же, касающийся чего-то [другого], – не [всегда], то есть может быть и истинным и ложным [1, С. 437]. Это высказывание древнегреческого

мыслителя содержит идею о том, что в каждом утверждении есть и истина и ложь, а также о том, что стремящийся к познанию сути целого ум тенденциозно, вероятно истинен, прав, в отличие от индифферентного, застывшего ума, довольствующегося ложью, адаптированного к ней и принимающего ее за правду. Можно высказать предположение о том, что существует какое-то третье, промежуточное верификационное отношение к действительности – «ни истины – ни лжи», «и истина – и ложь» или «ложь–истина», «истина–ложь».

Может быть, таким диалектическим понятием, образующим единство и в то же время дифференцирующим понятия лжи и истины, является «логос» (в котором палеолингвисты выделяют около 30 значений!?), от которого явно произведены понятия «логика», «логистика». В последнем из них можно вычленить два корня (лог-истика), созвучные с понятиями «ложь» и «истина»... Во всяком случае такое промежуточное понятие («Истина – в середине» – М. Маймонид [26, С. 173]) стучится в дверь верифицирующего сознания.

Нельзя не отметить и тот факт, что возможность и невозможность полного познания и использования знаний о целой, бесконечно протяженной как вовнутрь, так и вовне, действительности, вытекает как из безграничных возможностей науки, так и ограниченности функций мозга человека как исследователя, ограниченности, порождающей предельность сознания личности и средств компенсации этой предельности (в наших исследованиях этот ограничивающий фактор назван оперативным объемом действия), которые формируются в процессе филогенеза и онтогенеза и хронически не успевают за расширяющимся в сознании миром. Именно это обуславливает сосуществование в процессе изучения действительности истины и лжи именно как результата такой функциональной недостаточности средств осуществления деятельности человека. Последняя связана поэтому с постоянно меняющимся в процессе непрерывного познания, преобразования и использования действительности соотношением между истиной уже открытой ее сущности и ложью еще скрытой неизвестности. Такое вынужденное (от относительного бессилия интеллекта) «умолчание» делает познавательную диаду «истина–ложь» «естественной», объяснимой, понимаемой, и поэтому легко принимаемой, обуславливаемой, подменяемой другими объяснениями и мнениями, например, восхваляющими науку при ее очевидной верификационной недостаточности или забегающими вперед псевдообъяснениями, фантазиями, экстрасенсорными обещаниями.

Парадоксы, которые издавна привлекают мыслителей, чаще всего являются как раз таким трудно разрешимым сочетанием истины и лжи в одном теоретическом положении, когда при сохранении логической правильности

суждения оно характеризуется формально-логическим противоречием. «Парадокс возникает тогда, когда два взаимоисключающие (противоречащие) суждения оказываются в равной степени доказуемыми..., например...: «Деревенский парикмахер бреет всех тех и только тех жителей своей деревни, которые не бреются сами. Должен ли он брить самого себя?»... В теории, в которой появляется парадокс, доказуемо любое, как истинное, так и ложное, предложение» [24, С. 355].

В логике специально выделяются такие противоречивые феномены, как паралогизмы и софизмы, в которых истина и ложь сосуществуют на определенном доказательном уровне. Так, софисты Древней Греции публично соревновались в доказательстве истинности ложных утверждений и, наоборот, ложности истинных. К таким случаям относятся, по-видимому, те, которые предполагаются в утверждении Архесипая: «Ничего нельзя увидеть в истине такого, чего не было бы также и во лжи» [26, С. 174]. Не является ли осужденная наукой позиция софистов в сущности честной, хотя и утрированной и неоднозначной в самом искусстве доказательства истины и лжи?

Если еще раз вернуться к парадоксам, то следует помнить, что для творчески одаренной личности создаваемые ею новые идеи являются более истинными, чем уходящие в прошлое несовершенные и устаревающие идеи, субъективно осознаваемые как недостаточные и ложные? Так, в математике законы Эвклида со временем уступили место законам Лобачевского. Есть некоторая аналогия между развитием истинности научных представлений и «взрослением» честности ребенка, преодолевающего многочисленные ложные мифологические, сказочные, игровые, имитационные представления детства и заменяющего их более истинными научными представлениями школьных предметов (может быть, еще и потому, что ложь и неправда в силу своей множественности и неоднозначности более доступна и легка в использовании, чем однозначная и труднодоказуемая истина?).

Так молодость в своем стремлении к новым истинам стремится заменить старость (с возрастом – и в себе тоже) с ее устаревающими догмами и присущей им истиной-ложью... «Что нового?» профилактически вопрошают друг друга люди при каждой следующей встрече, как бы требуя обновления отраженной в правде и истине меняющейся на глазах жизни... Как удачно сказал Т. Бурек: «Правда всегда находится в пути»... Может быть, в ощущении этого генезиса лжи-истины и неправды-правды кроются настоящие корни познания? Может быть, действительно правы Г. Гегель, утверждавший, что «истина рождается как ересь и умирает как заблуждение» [26, С. 174], К. Берне, сказавший, что «истина – это заблуждение, которое длилось столетия» [26,

С. 173] и дополнивший их, уже в наше время, Р. Акутагава почти теми же словами: «Ложь – это вчерашняя правда» [26, С. 203].

Человека, особенно юного, например, школьника подстерегает еще одна верификационная проблема доверия к окружающему миру, связанная с тотальной абстрагированностью и опосредованностью усваиваемых научных знаний, умений, навыков. Так, почти все научные понятия характеризуются высокой степенью отвлеченности от естественных явлений, когда они охватывают большое и трудно осознаваемое количество объектов по ограниченному числу так называемых существенных признаков. Речь идет о том, что такие понятия имеют большой формальный объем и маленькое «сущностное» содержание, что можно рассматривать как основание для своеобразной односторонней «сущностной» истины в рассматриваемом объекте и одновременно – как предпосылку такой же зеркально своеобразной относительно нее многоаспектной лжи, стоящей за скрытой истиной в его понимании. Такое же уменьшение истинности, а еще больше – правдивости (с ее значительно большей многозначностью) в представлении о сложной действительности происходит при ее опосредствованном, схематическом понимании с помощью средств анализа и синтеза, индукции и дедукции, систематизации и моделирования – при использовании указанных выше абстрактных понятий и концептуальных средств. По-видимому, это имел в виду великий русский поэт А. Тютчев в своей парадоксальной, на первый взгляд, строчке: «Мысль изреченная есть ложь...» и А. Доде: «Всякая правда, стоит ее высказать, теряет свою несомненность, приближается ко лжи» [26, С. 331]. Возможно, в самом «из-ложе-нии» мысли кроется какой-то момент ее «искаже-ния», требующий ее «ис-прав-ления» и этот момент следует подвергнуть внимательному и непредвзятому изучению?

Эти выражения об «изложенной» истине и правде можно было бы считать метафорами, если не принять во внимание тот факт, что точно отобразить действительность в словах не так уж просто. Обычно это сопряжено с индивидуальными вариациями такого отображения, а то и явными ошибками обычных «выразителей» правды жизни. Для доказательства этого можно обратиться к простому эксперименту, попросив участников одного и того же события, например, просмотра только что показанного фильма, кратко описать, устно или письменно, его содержание. В итоге мы получим столько «правдивых» его содержаний, сколько было опрошенных лиц. Кого из них можно в таком случае считать истинным или насколько они лживы относительно сценария самого фильма? В науке, например, в астрономии аналогичное явление известно как индивидуальная ошибка восприятия при

наблюдении за космическими объектами, которая зависит от личного времени реакции астронома.

Исходя из признания ошибки синонимом лжи, что утверждается в некоторых ее определениях, можно даже измерить такого рода ложь в баллах – так, как это делается при написании диктанта в школе и оценке грамотности пишущих его учеников. Таким образом проявляются люди с разной степенью грамотности, которая может интерпретироваться как различная истинность по отношению к правилам грамматики. Подобным же образом можно отчасти трактовать и результаты некоторых тестов, хотя в них для определения склонности к искренности или неправдивости используются специальные шкалы контроля этих качеств (например, в известном личностном опроснике Г. Айзенка).

С недостаточной грамотностью людей связан еще один возможный источник лжи, что особенно ощущается в тех случаях, когда у руководства различными важными общественными процессами стоят малограмотные, некомпетентные люди, которые мало того, что генерируют ложь в силу своего дилетантизма, но и вынуждены, как правило, скрывать свою некомпетентность, обращаясь к изощренным средствам утаивания правды о себе путем мимикрии, маскировки, дезинформации, то есть еще одной лжи. Метко сказал по этому поводу Ф. Ницше: «Мы очень мало знаем и плохо учимся: потому и должны мы лгать» [26, С. 204].

Указанная неточность отображения людьми действительности в слове, предложении, текстовом сообщении как источник и проявление многоликой непреднамеренной неправды или осознаваемой лжи, требует появления искусства мастера слова, который имел бы способность подниматься над посредственностью житейской полуправды и представлять публике образцы высокохудожественной правды, не лишенной, однако, и некоторой толики лжи. Последнее происходит вследствие определенной заангажированности таких мастеров искусств идеологическим (соцреализм или «желтая» пресса), политическим (идеализация власть имущих), коммерческим (реклама непотребной продукции) или мировоззренческим (не всегда высокого уровня) заказом.

В таких и подобных им случаях и возникает массовая парадоксальность, неоднозначность осознания действительности: «Поскольку любая теоретическая система имеет ограниченную сферу действия своих базовых принципов, то использование последних не может быть абсолютно универсальным. Таким образом, для любой системы знания существуют предметные пределы, вне которых ее исходные положения перестают быть мерилom различения истины и лжи. Поэтому указанное “функциональное

вынесение” выводных способов теории во внепредметную область позволяет вывести как утвердительные, так и противоречивые выводы относительно одной и той же мысли...» [23, С. 266-467]. Парадоксальность и неоднозначность человеческого мышления относится не только к теориям, законам, категориям науки, прежде всего к понятиям повседневной жизни. Некоторые исследователи считают, что в повседневных межличностных взаимоотношениях с ложными и неправдивыми проявлениями связаны около 60-70 % всех высказываний и поступков...

Можно представить себе, как из сферы нечестного и неправдивого социального управления и насыщенных обманом житейских взаимоотношений ложь и неправда переползают в сферу труда. Принятие и исполнение профессиональных решений происходит в таких случаях в значительной мере на неточной, ошибочной, неправильной основе. Какой может быть эффективность такого труда и его результаты, очевидно: низкая производительность трудовой деятельности, некачественные и неконкурентоспособные товары, брак, аварии, травматизм, жертвы на производстве и на транспорте, о чем свидетельствует неутешительная статистика. А если к этому добавить и то, что общеизвестно всем: «Кто лжет, тот и крадет», – лежащее в основе коррупции, то становится понятной необходимость принятия мер по охране жизни и труда от лжи и неправды.

Труд по своей созидательной природе настоятельно требует истины и правды, о чем справедливо пишет В. А. Сухомлинский: «Правдивость и честность, непримиримость ко лжи и обману идут от великой правды труда, недаром старинная украинская мудрость говорит: правдивое слово у того на языке, у кого на ладонях мозоли. Сердце труженика восстает, возмущается против лжи и неправды» [13, С. 43]. Именно поэтому в сфере труда введены стандарты качества, которые сдерживают в какой-то степени поток лжи и неправды со стороны некоторых его недобросовестных организаторов и исполнителей. Хотя проблема значительно шире («Беда на свете, если нет правды» [13, С. 61]) и требует принятия и осуществления продуманных тотальных правовых, организационных, экономических, психологических и педагогических мер, например, на основе закона о честности и правдивости.

Парадоксальное «истинно-ложное» и «правдиво-неправдивое» (с его более слабыми критериями верификации, чем в первой диаде) мышление возникает в общественном познании в массовом порядке также в силу специализации профессиональной подготовки и управления узкими специалистами универсальными социальными и производственными процессами. В таком случае интеграционные тенденции науки и жизни, проявляющиеся в развитии комплексного, системного, синергетического подходов, не успевают за

действием тенденций дифференциации научного и житейского знания, остающегося недостаточно целостным и поэтому не всегда истинным до конца. Поистине прав в этом плане Ф. Ницше, высказывая подходящий к данной ситуации пессимистический парадокс: «В мире, который по сути ложен, правдивость была бы противоестественной тенденцией» или «Правдивый человек, в конце концов, приходит к пониманию, что он всегда лжет» [26, С. 331-332]. К этому же можно добавить еще более резкое утверждение Дона-Аминадо: «Взаимное понимание требует взаимной лжи» [26, С. 203], которое верно хотя бы по отношению к людям, разговаривающим на разных языках (но кивающим друг другу в знак «понимания») людям и к тем, кто, вступая в диалог на одном и том же языке, исходит из разных мировоззренческих позиций, традиций, этнических норм, взглядов и т.п.

Можно согласиться также с Ф. Достоевским, который утверждал в «Заметках из подполья», что вся парадоксальность унижения и возвышения человека ложью и неправдой его эпохи порождалась чрезмерной опосредствованностью человеческого сознания, слишком «усиленным сознанием» человека, что он считал настоящей болезнью. Для нормального человеческого обихода достаточно было бы, по его мнению, половины, четверти того опосредования, что дало человеку девятнадцатое столетие. Он даже предлагал вернуться к нормальному «непосредственному человеку», завидуя этой его непосредственности... Особенно опасным, по его убеждению, стало чрезмерное опосредствование человека вещами и деньгами, которые, являясь, в сущности, средствами существования человека, заняли в обществе непомерно доминирующее над человеком положение. Цель и средство в таком обществе поменялись местами и поэтому вещи и деньги не только не обеспечивают нормальное существование человека, но и убивают в нем человеческое, а часто и его самого, что писатель художественно верно показал в своих произведениях.

Можно спорить с этими мыслями гениального писателя и философа, но не это ли непомерно разросшееся опосредствование («овеществление» и «оденежвление») сознания человека привело уже в следующем веке к его катастрофическому обесцениванию и как следствие – к необдуманым глобальным социальным экспериментам (необходимость которых была выведена из ложных посылок известного экономиста, основанных на ограниченной трактовке понятий «товар–деньги–товар» и т.п.), к двум мировым войнам (за обладание жизненным пространством), к экологическому кризису, Чернобылям, массовому терроризму, к угрозе тотального ядерного самоуничтожения?

Не следовало ли бы в таких случаях больше внимания обращать на звучащие в современной психологии рекомендации, например, на положение известного психолога и эпистемолога Ж. Пиаже о том, что одним из важнейших критериев сформированности мыслительной операции является ее обратимость, как возможность возвращения к исходному этапу ее развития. К этому же ряду относится и один из советов инженерных психологов диспетчерам сложных дистанционных систем управления, например, железнодорожными перевозками, – время от времени отрываться, с целью профилактики ошибочности восприятия действительности, от своих мониторов и возвращаться, в буквальном смысле выходить в конкретные полевые условия, где осуществляются реальные процессы, которыми они управляют.

Упомянем в этом месте и такую форму парадоксального мышления, как юмор, предельные формы и средства которого способны разрушать самые серьезные категориальные и понятийные представления о действительности. Являясь, по сути своей, оздоровительным и реконструктивным, юмор, однако, в его предельных массовых и назойливых формах воздействия может не оставить камня на камне от серьезных и необходимых теоретических и эмпирических построений именно благодаря своим парадоксизмам.

Проблема нередко уродливого соотношения между истиной и ложью, правдой и кривдой имеет к указанным выше катастрофическим тенденциям прямое отношение, однако оказывается на периферии человеческого сознания и человеку приходится решать ее уже в критических ситуациях, с опозданием, путем интуитивных проб и мучительных ошибок и потерь. А не проще ли было бы вынести проблему истины и лжи, правды и несправедливости в центр общественного сознания, учить ее решению уже в школе, полагая ее центральной проблемой воспитания и обучения, вводя для этого в качестве основных такие учебные предметы, как «Истина и ложь», «Правда и несправедливость», «Добро и зло», «Жизнь и смерть»... Интересно, что последняя в этом списке проблема, известная в богословии под названием эсхатологической, и являющаяся, в сущности, главной для человека проблемой, так и не стала в центре светского образования, тогда как в религиозном занимает одно из главных мест. Не является ли это (и не только это!) фактом утаивания истины и «маленькой» лжи, правды и неправды со стороны «научно» обоснованного обучения и воспитания, закрывшего «двери» образования и изгнавшего данную проблему из учебного содержания? И не потому ли проблема жизни и смерти стучится и рвется теперь во все «окна», например, средств массовой информации, отражающей реальное балансирование человека между жизнью и смертью в действительности и виртуальности?

В этом смысле целесообразным представляется издание учебников, пособий, журналов, разработка программ средств массовой информации под названием «Истина», «Правда», «Справедливость» и т. п., которые могут способствовать ориентации миллионов людей в сложном мире верификации действительности.

Конечно, рассмотренные выше виды истины-лжи являются в своем большинстве непреднамеренными (как сказал бы П. Таранов: «Человек никогда не лжет; он просто избегает нежелательной правды»). Это не прямое корыстное убеждение в неправде или прямой обман, дезинформация или фальсификация с целью получить выигрыш за счет другого, это не хитрость или хитромудрость, ложь во спасение во имя сохранения статус-кво в отношениях, это не ложь-ошибка или невинная ложь как намеренно скрытая малозначимая истина, не имеющая негативных последствий в сознательно ограниченной ситуации «тут и теперь», это не ложь-измена или подлое предательство с задачей ослабить или устранить партнера как ненужного свидетеля или чересчур честного «препятствия» на пути к выигрышу, это не ложь-полуправда или маленькая ложь в полной мере, – конечно же, но что-то от этого все же есть в такой беспомощной истине-правде и непреднамеренной лжи-неправде? И за это человечество и человек платят такую же непреднамеренную цену в виде утраты благополучия, здоровья, а то и жизни. Не об этом ли говорит Вольтер, утверждая, что «Ложь бывает пороком лишь тогда, когда она делает зло, но когда она творит добро, тогда она – великая добродетель» [26, С. 203].

В своем бытии человек как бы обречен паутиной иногда неразрешимо запутанных повседневных отношений обращаться ко лжи и неправде и двигаться от нее к истине и правде. И, наоборот, – демонстрировать чудеса адаптации, конформизма, мимикрии и гамму других свойств своей личности, обеспечивающих ей более или менее сносное существование в пространстве отношений с полярными координатами «истина-ложь», «правда-неправда», тем более, что существует на этот случай целая система оправдания, аргументирования, извинения и прощения как перед самим собой, так и перед людьми.

Ну как устоять, например, слабому человеку перед сладкой ложью-лестью, в которой ведь содержится какая-то правда, ну пусть преувеличенная, но надо же и подпитывать собственное самолюбие, которое готово оправдать эту маленькую приятную ложь, тем более, что в нее верится больше, чем не верится. Какими же психологически непреодолимыми бывают ситуации инверсии, оборачивания ценности истины в сознании человека, замены истины ложью, о чем так точно написал А. Пушкин: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...»

Поэтому логично в некоторых случаях говорить о «мирном» сосуществовании истины и лжи, честности и лживости как в одном человеке, так и в отношениях между людьми – часто в силу их личностного своеобразия, нравственной, духовной слабости. Вспомним определение личности Н. Я. Гротом как «сверхиндивидуального, божественного, творческого начала в человеке» [17]. Борьба истины с ложью в самом человеке и в обществе доступны, по-видимому, лишь сильной личности, в частности, творчески одаренной личности, стремящейся к успеху, который не совместим с ложью и неправдой, но часто при условии, что истина и правда будут поддержаны сильным в личностном отношении, духовно развитым обществом. Однако не исключен и какой-то вариант конформизма или компромисса личности со слабым, инфантильным обществом и даже вариант временного «верификативного договора» с обществом, пораженным болезнью лжи и неправды во имя выживания личности в таких условиях.

И наоборот, слабый в личностном отношении человек и слабое по уровню утверждения в нем истины и правды (прав человека) общество обречены оставаться посредственными в политическом, социальном, экономическом, научно-техническом и других отношениях. Решающим, в конечном счете, является реальный выбор людьми и обществом в пользу истины и правды и их доминирования над ложью и несправедливостью.

Можно говорить и о необходимой диалектике сосуществования истины и лжи, что делает верификационную полярность мира в определенной степени «естественной» и неистребимой. Эта диалектика может быть осуществима в разных целесообразных осознаваемых формах, например, в той же форме высокого доминирования истины над ложью или, наоборот, в форме низкого противостояния доступной вначале малой истины неустранимой и необходимой большой лжи и наоборот. Или же бывают случаи, о которых сказал В. Бертошевский: «Иногда ради точности к правде добавляют мелкую ложь» [26, С. 203].

В таком случае «внизу» истина и ложь могут сосуществовать сначала в режиме враждебного сосуществования или стремления к взаимному уничтожению их носителей, угрозу которого, однако, часто снимает (а иногда и не останавливает – тогда конфликт, война!?) инстинкт самосохранения, когда ложь как бы временно побеждает истину, но в стремлении человечества «вверх», к жизни, в ходе естественного сотрудничества и перетекания первой во вторую, в процессе противоречивого развития, когда, например, ложь нужна для лучшего осознания истины, происходит утверждение истины через отрицание лжи. В таком случае относительная и субъективная ложь психологически трансформируется, оборачиваясь через отрицание в

относительную и объективную правду, а иногда и в истину. Критерием, мерой здесь выступает человеческое благополучие, счастье человека. Примеров этому – множество, особенно во взаимоотношениях сторон любви, партнеров финансового благополучия, субъектов жизненного успеха (об этом говорят пословицы: «Кто любит и счастлив, тот всегда прав», «Кто богат, тот и прав», «У кого сила, у того и правда»; к этому же подходит утверждение Марка Твена: «Правда – наше самое драгоценное состояние. Давайте бережно с ней обходиться» и т.д.).

Что же является главным критерием истины? Этот вопрос следует, на наш взгляд, переформулировать! Не что, а кто! Критерием истины и особенно правды является сам человек, в котором последовательно концентрируются все истины и права, накопленные человечеством за всю его историю и актуализируемые таким конкретным истинным и правдивым человеком в ситуациях его жизни. Вспомним пророческие слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». Как человек формирует и актуализирует примеряемые к своей сущности личные и общечеловеческие стандарты истины и правды, делающие его гармоничным, внутренне целостным, всемогущим в природе и обществе? Многие в таком истинном и правдивом человеке еще непонятно, но и то, что уже известно, свидетельствует о том, что истина и правда образует уникальный по своей силе нравственный, эстетический, интеллектуальный ресурс, потенциал, который придает личности невиданную силу.

Человек является многомерным поликритерием истины и правды в силу своего опыта общения, мотивации, своеобразия характера, самоорганизации, компетентности, интеллекта, психофизиологических свойств. Его научная компетентность, способности, одаренность и талант, жизненная мудрость, определяющие успешность его личной жизни и социального поведения, помогают ему отделять истину и правду от лжи и неправды или устанавливать между ними приемлемые соотношения. Такой человек сам является высшей истиной и правдой в своем труде, творчестве, бытии. В случае же каких-либо сомнений в истине он может обратиться к авторитету науки, а в случае сомнений в правде – к общественному мнению, к решению суда или к вере в человеческих богов – Иисуса Христа, Аллаха, Мухаммеда и др. В последнем случае баланс между правдой и неправдой устанавливается с помощью веры в оправдавшие себя постулаты религии, например в заповеди христианской религии, одна из которых прямо призывает «не лжесвидетельствовать», что признается грехом. Религия возвышает значение правды, которая имеет божественное происхождение, усваивается истинным и праведным человеком по образу и подобию Бога, стремится сделать его гармоничной в

верификационном отношении божественной личностью как вершиной развития человеческого духа – в Вере, Надежде, Любви.

Однако эта важная сторона развития человека не изучается в достаточной степени ни человековедением, ни персонологией! Более того, общественное и бытовое нивелирование, сокрытие, низ-ложение идеала честной, правдивой личности лишает конкретного человека силы честности и правдивости, служит причиной унижения его чести и достоинства, обесценивает в глазах общества и собственном самовосприятии, приводит к появлению зла и несчастий и избавлению его от того, о чем сказал Ж. Ренан: «Честность есть истинный аристократизм нашего времени» [26, С. 525].

Другое дело, насколько много людей счастливы, любимы, успешны и в каком окружении они правы и истинны или вынуждены быть лживыми и несправедливыми. Здесь снова права народная мудрость: «Ложь хоть и принесет тебе сперва пользу, зато потом вредом обернется; а правда, если и причинит тебе поначалу вред – потом пользой станет» (узбек.) [12, С. 82];

В подобных случаях движение от большой Лжи и Неправды через маленькую ложь и неправду, истину и правду, к большой Истине и Правде и наоборот можно условно представить в виде следующих простых формул:

Л↔Л-и↔л-и↔л-И↔ИиН↔Н-п↔н-п↔н-П↔П

Когда Истина и Правда побеждают ложь и бесправие, то она высока, добра и прекрасна, она обеспечивает прогресс жизни и такая жизнь сама по себе выступает критерием истины и правды. Встреча с истинными носителями высокой истины обнадеживает и возвышает и автор этих строк убеждался в этом не один раз в жизни. Последняя такая встреча с настоящим искателем и открывателем истины состоялась осенью 2011 г. на защите кандидатской диссертации по философии права молодым ученым А. Т. Сила аргументов, глубина обоснования, полнота доводов и системность мышления соискателя были настолько достоверны, убедительны, что это буквально потрясло всех членов ученого совета. Автор этих строк не мог отрешиться от впечатления, что произошло явление настоящего мессии научной истины в данной области науки. Официальные оппоненты практически признались в ненужности критики, а члены совета пожалели о том, что соискателю нельзя сразу присвоить степень доктора наук, а всего лишь кандидата. Свет Истины витал тогда в конференц-зале, философия права переживала торжественные минуты своего славного существования, верилось в Истину и Правду человечества, в царство разума и света на земле, в божественность науки. Это был убедительный пример того, как выбор одаренным мыслителем пути искания истины и служения правде сразу поднял его авторитет ученого, сделал его талант непререкаемой ценностью, необходимой для открытия глубин Истины и

достижения еще больших высот Правды. Это ощущение подтвердили и отзывы студентов в Интернете об А. Т. как о преподавателе. В этих отзывах перед людьми предстала духовно полноценная личность во всей своей преданности Добру, Красоте и Истине.

В связи со сложной картиной взаимоотношений между истиной и ложью, правдой и неправдой, возникает вопрос об этических и психологических возможностях человека в осуществлении честного и правдивого поведения и противодействии лжи и неправде в окружающем его «мире истины и лжи». В этом смысле обращает на себя внимание так называемый верификационный принцип, разработанный в философии науки, и рекомендованные американским психологом Полом Экманом средства опознания и изобличения лжи [25].

Верификационный принцип (от лат. *verus* – истинный и *facio* – делаю) – это «принцип философии науки, согласно которому определяется истинность или ложность научных теорий, выясняется, какие эмпирические составляющие научных теорий подтверждают или опровергают теоретическую составляющую науки, а также, имеют ли рационально-познавательный смысл «метафизические» утверждения в философии науки. В широком спектре в понимании верификационного принципа воплотились разные методологические установки: как такие, согласно которым содержание научных теорий может быть сведено, «редуцировано» к содержанию эмпирического знания, так и такие, согласно которым теоретическая составляющая науки лишь опосредовано может быть подтверждена или опровергнута эмпирической верификацией...» [25, С. 76].

Верификационный анализ наиболее важен при решении научных, политических, экономических, медицинских, инженерных, технологических, а также многих семейных, бытовых и житейских проблем, когда скрытая истина или преднамеренная ложь может дорого стоить людям.

Поэтому и осуществляется научное открытие истины, судебное расследование преступлений против нарушения прав человека, художественное постижение правды жизни, религиозные наставления против лжесвидетельствования, тайные разведывательные действия по установлению скрытых сведений, экспертиза событий на соответствие нормам истины, монашеское служение божественным каноническим истинам, юношеское постижение правды, правозащитная деятельность, подвижничество правдоискателей, засекречивание важных сведений, маскировка истинных намерений, скрытые тайные операции, музейная консервация исторических истин, сохранение документальной правды в архивах и человеческой памяти – все это специфические виды искания, защиты и служения истины.

В дополнение к научной философской верификации теоретических положений науки, существует также и повседневная, личностная верификация человеком тех или иных высказываний его партнеров по общению, когда человек может выступать с позиций как полного доверия к ним, как абсолютно правдивым, так и с позиции подозрения в их ложности. Такого человека можно рассматривать, вслед за Полом Экманом, в качестве верификатора с тем или иным отношением и теми или иными средствами установления истинности или ложности высказываний [25].

Одной из важнейших причин сосуществования в человеке истины и лжи, истинности и лживости, правдивости и неискренности является, как мы уже говорили, функциональная ограниченность его психики. Она проявляется в:

- недостаточной его социальности и индивидуальности;
- сравнительной слабости и односторонности личности;
- преобладающей заземленности его мотивации;
- эгоизме;
- неразвитой рефлексивности и самоорганизованности;
- консерватизме опыта;
- несистемности интеллекта по отношению к многообразию задач (многие из которых не замечаются или сознательно игнорируются субъектом);
- отсутствии адекватных интеллектуальных средств решения задач;
- бессознательном отношении как к позитивным, так и к негативным свойствам своей нервной системы.

В частности, многие люди фактически не знают о существовании собственного темперамента, предпочитая иногда даже иронизировать по поводу его типов, чем четко знать, что некоторые собственные ошибки, болезни прямо связаны с его неосознаваемым наличием и влиянием. Многообразие личностных свойств человека предопределяет субъективный характер и своеобразие осознания истины и правды, лжи и неправды в каждом конкретном случае .

В связи с этим, следует признать, что существуют, по-видимому, индивидуально-типологические предпосылки выбора между истиной и ложью, правдой и неправдой – в зависимости, например, от типа темперамента и вида функциональной асимметрии полушарий головного мозга, от типа интеллекта («мыслители» или «художники», логики или интуитивисты), опыта (консервативного, индифферентного или инновационного), характера (интровертированного или экстравертированного, честного или склонного к обману, педантичного или неорганизованного, трудолюбивого или ленивого, требовательного к себе и людям или снисходительного, принципиального или индифферентного к вопросам морали, эгоистического или альтруистического, эгоальтруистического или альтруистоэгоистического и т.д.), мотивации

(склоняющей к значительным достижениям или довольствующейся малым, целеустремленной или безвольной и т.п.), стиля общения (авторитарного, либерального или демократического). Еще П. Чаадаев заметил, что «есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью» [26, С. 205], а А. Адлер утверждал: «Ложь связана с отсутствием смелости сказать правду» [26, С. 204].

По нашим наблюдениям, некоторые холероиды склонны к чрезмерному оптимизму, прожектерству и соответствующему их типу предпочтения правды или лжи, сангвиноиды – к амбициозно-высокомерной собственной правде-лжи как безапелляционной и единственно возможной, равновесные – к конкретной правде и лжи в ограниченной ситуации «здесь и теперь», меланхолоиды – к принципиальной истине и правде или же к неправде от страха и тревоги или же ко лжи от усталости-истощения, флегматоиды – к «естественной» полуправде и оправданной лжи – в силу негативизма, нигилизма и склонности к протесту. К этому следует добавить своеобразное (пренебрежительное или подозрительное) отношение к истине или правде со стороны людей с признаками амбициозности, нарциссизма, гордыни, культа собственной личности или, наоборот – униженности, оскорбленности, находящихся в состоянии эмоционального напряжения, стресса, раздражения, возбуждения, вдохновения, любви или, напротив, неприязни, ненависти и т.д. Проблема субъективного характера отношения личности к истине и правде, лжи и неправде требует, конечно, более глубокого исследования.

В зависимости от профессии, доминирующих занятий и мировоззрения личности, истина и правда могут быть соответствующих видов (расположим их в порядке убывания жесткости критериев верификации): научная (математическая, физическая, химическая, биологическая, экологическая и т.д.); философская; логическая; медицинская; психологическая; педагогическая; общественная; политическая; рыночная; торговая; супружеская; житейская; гендерная; бытовая и т.д. Могут быть рассмотрены и такие виды истины, как предполагаемая (гипотеза), вероятностная истина, пост-истина, прото-истина, ретро-истина, вымышленная правда, истина о лжи, правда о неправде и т.п. Следует признать, что существуют временные колебания интенсивности истины и правды и, напротив, лжи и неправды, связанные, например, с радостной эйфорией или глубокими кризисами, как об этом выразился, например, канцлер Германии О. фон Бисмарк: «Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов» [26, С. 204], когда, по выражению Теренция, «одна ложь родит другую» [там же].

Верификационная деятельность в широком понимании состоит не только в искании и обосновании истины, утверждении и служении правде, но и в

изобличении и противодействии лжи и несправедливости. Следует учитывать трудности, проблемы верификации, определяемые сопротивлением лжецов, противоречивыми интересами сторон, стереотипами убеждений в истине или лжи, застоём мысли, заблуждениями, установками, верованиями, фанатизмом и мн. др.

Проблеме верификации фактически посвящена уже упоминавшаяся книга известного американского психолога Пола Экмана «Психология лжи». В ней лейтмотивом проходит мысль о том, что в «стране лжи», каковой автор аргументировано называет США, все же, несмотря на то, что ложь и неправда нередко проявляются даже на высшем уровне руководства, истина и правда все же остаются жизненно важными и необходимыми ценностями, во имя которых ведется борьба с ложью и бесправием [25]. Для обоснования понятия «страна лжи» он обращается к многочисленным примерам «высокопоставленной» лжи в США – лжи президента Джонсона о вьетнамской войне, Уотергейтском скандале с ложью президента Буша, обману президентом Рейганом американского народа в деле Иран-контрас, лживому поведению сенатора Эдварда Кеннеди, подозреваемого в смерти его подруги в Чапаквидике, плагиату сенатора Байена, лжи бывшего сенатора Гери Харта во время кампании по выборам президента в 1984 г., касающейся его тайного романа, к многочисленным случаям лжи в деловом мире, спорте и т.д.

П. Экман рассказал также о своем пребывании в СССР в 1989 г., когда ему сообщили о том, что советская страна живет в атмосфере лжи вот уже 70 лет, когда власти скрывали, например, истину о внутривластной борьбе, интригах руководства, правду о судебных процессах, репрессиях, голодоморе, огромных потерях советского народа во время Великой Отечественной войны и многом другом. При этом люди всегда знали, что им лжет партия и правительство о многих событиях истории и перспективах развития. Ложью руководства, в частности, Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева сопровождалась Чернобыльская катастрофа, когда намеренно скрывались факты и преуменьшалась опасность радиации для рядовых граждан, тогда как семьи руководителей страны были заблаговременно эвакуированы из Киева. Пол Экман утверждает в своей книге, что «Россия стала страной, в которой ложь и мошенничество превратились в норму и все знали о коррумпированности системы и несправедливости законов» [25, С. 287]. К чему это привело – общеизвестно: огромная страна распалась под тяжестью лжи и неправды.

То же самое, к сожалению, можно сказать и о современной независимой Украине, которую в мире считают одной из самых коррумпированных стран, где простые граждане выбирают во власть лживых политиков, обкрадывающих

своих избирателей. Лгут многие (к счастью – не все!) кандидаты и депутаты, юристы и экономисты, судьи и правоохранители, производители и продавцы некачественных товаров, врачи и журналисты, мужья и жены, взрослые и дети. Причем врут по убеждению, принципиально, умея обосновывать ложь не хуже, чем это делали древнегреческие софисты... Создается впечатление, что лжемания захлестнула значительную часть людей, предпочитающих жить в «мире лжи и несправедливости», чем в «мире истины и правды». И чтобы преодолеть это, необходимо, но уже недостаточно, лишь воспитывать у людей честность и правдивость уже с детства, следует учить их распознавать и изобличать повседневную ложь и неправду, бороться за истину и правду, что означает борьбу за Добро против Зла, ибо «Благочестием держава сильна!»

П. Экман утверждает: «Нация не может выжить, если никто не верит ни одному из своих лидеров!» Творчески одаренная молодежь, претендующая на лидерство, должна сделать свой выбор в пользу Истины и Правды, честности и правдивости – чтобы выжить перед лицом серьезных нравственных вызовов человечеству, самым опасным среди которых является вызов со стороны лжи и неправды.

Очевидно, что истина и правда доминируют в человеке на высшем уровне его развития – личности, которая конструктивно, творчески, гуманистически обращена во внешнюю окружающую и внутреннюю образующую ее действительность, то есть в социум, ноосферу, космос, в микромир своего организма и в самую себя. В этом сложном многомерном, иерархическом, динамическом мире даже при истинном и правильном его понимании очень нелегко сориентироваться. Но при наличии лжи и неправды – еще труднее, а порой и невозможно. Ложь и неправда, как кривое зеркало, всегда создавали и все еще создает в сознании человека ложный и опасный мир с тупиками и провалами, из которых часто нет выхода и возможности возврата в исходное положение. Человек живет в таких случаях в виртуальном мире мифов, нарративов, теряет адекватную ориентацию в действительности, жизненные смыслы, интересы, утрачивает перспективы самой жизни, о чем свидетельствуют, в частности, народная мудрость и выдающиеся мыслители.

Пол Экман предлагает целый ряд приемов изобличения лжецов. Оказывается, уже одно обнаружение и предание гласности лжи ставит ее носителей вне этических норм, вне кодекса чести общества, за чем следует моральная и правовая ответственность за нее. Стремление людей к истине и правде, к честности и правдивости поддерживается Конституцией большинства стран, гражданскими, уголовными, административными, корпоративными кодексами, следование которым обеспечивают гражданский мир и благополучие людей. Следует учитывать, что ложь и неправда коренятся не

только в лгунах, но и в тех, для кого они лгут, с кем разделяют ответственность за консенсус между ложью и правдой. Как правильно сказал по этому поводу Дж. Битти: «Никто не станет врать, если никто не слушает» [26, С. 204]. Лживость и неправдивость – это не только индивидуальное, но и социальное явление, закономерности которого следует изучать комплексно.

Ложь и несправедливость не так уж и сильны, поскольку чаще всего действуют в условиях нравственного «подполья», маскируясь, прикрываясь истиной и правдой. Приведем краткое изложение некоторых положений теории и практики изобличения лжи по П. Экману. Так, он определяет ложь «как действие, которым один человек вводит другого человека в заблуждение, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [25, С. 32]. Он выделяет две основные формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации), и несколько других разновидностей лжи, таких как сокрытие истинной причины эмоций, сообщение правды в виде обмана; полуправда и сбивающая с толку увертка.

Можно дополнить эту классификации видов лжи и неправды еще несколькими, такими как: мифологическая, бытовая ложь, клевета, наговор, псевдонаучная ложь, интригующая ложь, сплетня, умная ложь, глупая ложь, ложь-неверие, заблуждение, намеренная и случайная ложь, неточность, мнимая и псевдоложь, хвастовство, лесть, лицемерие, ошибка, ложь о правде и правдоподобная ложь, спасительная ложь, убедительная ложь, предвыборная ложь, дезинформация, имитация, погрешность, софизм, парадокс, сладкая ложь, обман, самообман, полезная, рациональная, случайная ложь, скептическая, нигилистическая и негативистическая ложь, безобидная ложь, рекламная ложь, протестная ложь, пробел, фантастическая ложь, лесть, преувеличивающая достоинства и преуменьшающая недостатки ложь, любовная ложь, похвальба, ложь о лжи, лживая ложь, нужная ложь, маленькая ложь, упущение, промах, хитрость, грезы, мечтательная ложь, раздвоение души, хитромудрость, циничная ложь, промах, индивидуальная и массовая ложь, ранящая и убивающая ложь, самоубийственная ложь и т.д. Ложь настолько распространена, что у каждого человека в ходе жизни накапливается опыт как порождения лжи и пользования ею, так и ее выявления на основе знания особенностей, признаков ее применения другими людьми.

Признаками обмана П. Экман признает ошибки в поведении лжеца, связанные с нечаянной утечкой информации и собственно информацией о наличии обмана, хотя такие ошибки случаются не всегда, поскольку лжец часто ведет себя безупречно [25, С. 32-33]. Автор выделяет такие ошибки лжеца, когда его ложь не удастся, как неудачная линия поведения (в силу

необходимости обдумывать, подбирать каждое слово, прибегать к паузам, напряжению мышц лица, особой жестикуляции), ложь в чувствах (поскольку их трудно фальсифицировать), собственно чувства лжи, связанные с боязнью быть раскрытым, например, страхом разоблачения, муками совести, восторгом надувательства и т.д.

Ложь можно обнаружить также в словах, в голосе (хотя и менее вероятно), в пластике движений, в проявлениях вегетативной нервной системы (покраснение или побледнение кожи), что требует, однако, дополнительных исследований, ввиду их неоднозначности. Так, скрыть что-то или исказить истину при помощи слов проще всего, хотя при этом и случаются ошибки, в основном, из-за беспечности лгуна – оговорки, тирады, а также уклончивые ответы или увертки [25, С. 78].

Мимика лица также может быть информативной при выявлении признаков обмана. Об этом могут свидетельствовать микровыражения, смазанные выражения лица, расширение зрачков, слезы, румянец и бледность, асимметрия выражений, их излишняя длительность и несвоевременность, фальшивая улыбка – «некоторые из этих признаков выдают скрываемые чувства, другие свидетельствуют о самом факте утаивания чего-либо, третьи же – просто говорят о том, что выражение лица является фальшивым» [25, С. 139].

Учитывая искусность лжецов и неопытность их жертв, Пол Экман говорит также об основных ошибках самих верификаторов в их подозрениях о наличии лжи и мерах предосторожности, необходимых при истолковании поведенческих признаков обмана. Он утверждает, что «верификатору нужно постоянно оценивать вероятность того, насколько жест или выражение лица может говорить о лжи или правде: полная уверенность возможна очень редко. Подозреваемый обычно осознается как лжец только в том случае, когда противоречивые эмоции явно читаются на его лице (микровыражения) или часть скрываемой информации прорывается в тираде» [25, С. 162-163]. Ученый дает верификатору специальные рекомендации для повышения вероятности изобличения лгуна. Не будем приводить их полностью, ограничимся лишь пятью из десяти предложенных автором [25, С. 163-164]:

1. Попытайтесь точно осознать основания любых ваших догадок или интуитивных предчувствий о том, лжет ли вам человек или говорит правду.

2. Помните, что при обнаружении обмана существует две опасности: неверие правде (когда говорящего правду принимают за лжеца) и вера лжецу (когда лжеца считают говорящим правду) – необходимо рассмотреть последствия каждой из этих ошибок (учитывая и то обстоятельство, что, с одной стороны, «нет глупее лжи, чем неправильно понятая истина» [26, С. 204], а, с другой, – что «ложь тем опаснее, чем правдивее» [26, С. 204].

3. Внимательно поразмыслите, нет ли у вас каких-либо предубеждений в отношении подозреваемого во лжи, и если они имеются, то подумайте, как они могут помешать вынесению правильного суждения. Не пытайтесь признать человека лгуном, если вы охвачены ревностью или подверглись вспышке ослепления.

4. Поразмышляйте и о том, знает ли человек о подозрениях в свой адрес или нет, и не забывайте, что потери и приобретения будут неизбежны в обоих случаях.

5. Никогда не делайте окончательного вывода о том, лжет человек или нет, только на основании собственной интерпретации поведенческих признаков обмана – следует обратиться к более подробной информации и более глубокому расследованию. Поведенческие признаки, как и показания детектора лжи, никогда не могут быть абсолютными доказательствами сами по себе.

В связи с этим, Пол Экман обращается к возможностям использования детектора лжи в качестве средства верификации. Рассмотрев разные случаи применения этого технического средства, он приходит к некоторым выводам о точности его работы [25, С. 184]. По его мнению, большой вес должен придаваться тем испытаниям на детекторе лжи, которые предполагают, что подозреваемый говорит правду, а не тем, которые предполагают обман с его стороны.

Когда результаты испытания на детекторе лжи предполагают ложь, то это вовсе не должно рассматриваться как достаточный повод для обвинения в обмане. Подтвержденный испытаниями на детекторе обман должен считаться лишь основанием для продолжения следствия. Другими словами, детектор лжи не дает однозначных свидетельств о лжи, ограничиваясь вероятностными гипотезами о ее наличии.

И все же детектор лжи, дающий лишь вероятностную ее оценку, используется в США при приеме на работу, в полиции, для выявления шпионов, при проверке сотрудников, для обнаружения источника утечки информации и для устрашения. Он добавляет свои специфические основания для комплексной оценки поведения истца. Не все случаи лжи снабжены поведенческими признаками. В некоторых случаях обман совершается настолько легко, что не оставляет в поведении никаких следов, в других же – их хоть отбавляй. Поэтому Пол Экман предлагает специалистам свою технику обнаружения лжи, которая «позволяет человеку, подозревающему обман, оценить, насколько основательны или безосновательны его подозрения... Эта техника может быть полезной и для самого лжеца: указать ему, что на этот раз обстоятельства против него, и не дать ему пуститься во все тяжкие, удержать от дальнейшей лжи. Или же наоборот – лжец может воодушевиться той

легкостью, с какой он уворачивается от ловушек, и сосредоточить все свое внимание на том, как избежать их в дальнейшем» [25, С. 212–213].

В основе предложенной П. Экманом техники изобличения лжи лежит анкета [25, С. 299–302], почти половина вопросов которой (18 из 38) помогает определить, «намерен ли лгущий скрыть или исказить эмоции, лжет ли он относительно чувств и какие именно чувства он при этой лжи испытывает» [25, С. 242]. Данная техника, как и вся книга П. Экмана, должна помочь верификаторам, а не лжецам. Если можно так выразиться, его подход основан на презумпции истины в верификационной оценке человеческих взаимоотношений. П. Экман признает, однако, что иногда в политике, сфере безопасности, дипломатии, военном деле, в некоторых ситуациях жизни ложь в виде хитрости, умения хранить тайну иногда полезна и даже необходима – тогда можно говорить о лжи во благо, в отличие от лжи во зло. Но в науке, политике, медицине, управлении обществом ложь чаще всего аморальна, опасна и недопустима. Он приводит слова Т. Джеферсона: «Искусство управления есть искусство честности». Творчески одаренная личность как лидер, публичный политик, исследователь, инженер, должна владеть искусством честности, исключая любую ложь.

Важным компонентом этого искусства должна стать способность к верификационной деятельности по установлению истинности или ложности, правдивости или неправдивости той или иной теории, концепции, системы понятий, утверждений, мнений и т.п. Можно самым приблизительным образом представить верификационный путь к истине и правде. Путь к истине предполагает последовательность действий по:

- а) формулированию гипотезы как предположения об истине;
- б) доказательству гипотезы об истине – экспериментальному, логическому, фактологическому;
- в) собственно формулированию истины, составлению ее формулы;
- г) проверке формулы истины в ходе той или иной деятельности и жизнедеятельности.

Путь к правде лежит через:

- а) доверие к утверждению;
- б) аргументирование утверждения в соотнесении с критериями жизненности, а также духовными ценностями Добра, Красоты и Истины;
- в) принятие формулы правды к сведению;
- г) проверку формулы правды поступками, общественным поведением, жизнедеятельностью и путем соотнесения с этическим кодексом.

Впрочем, служение личности Истине и Правде не такое уж простое и легкое дело. Поэтому, возможно, в этом деле ей может оказать помощь специальная

философская, психологическая, педагогическая служба консультативной поддержки честности и правдивости личности в конкретных верификативных проблемных ситуациях, от решения которых могут зависеть жизнь, здоровье, благополучие, счастье человека и его окружающих. В центре внимания этой службе должна стоять психологическая истина и правда о личности, которая далеко еще не раскрыта для человека. Как показывает опыт работы традиционной психологической службы, личностные проблемы, с которыми обращаются в нее за помощью клиенты, часто связаны именно с психологической ложью и неправдой о человеке и его взаимоотношениях с другими людьми.

Проблема истины и правды, честности и правдивости в их противодействии лжи и неправде, лживости и несправедливости еще должна быть поставлена как глобальная общечеловеческая и личностная проблема и решаться с привлечением лучших мыслителей и специалистов. Исходным при этом является опора на духовность, согласно которой Истина образует единство с Добром и Красотой, а Вера – с Надеждой и Любовью, осуществляемыми в условиях Свободы и Справедливости. Безусловно важно учитывать особенности менталитета, которые способствуют или затрудняют выполнение существующих законов, кодексов, правил поведения, норм следования истине, правде и защиты прав человека. Служение Истине и Правде предполагает также преданность общечеловеческим и национальным ценностям, среди которых базовыми являются ценность и самооценку личности каждого человека, его честь и достоинство.

Поучительным для творчески одаренной личности примером решения указанной проблемы искания истины и служения правде может быть жизнь многих известных мыслителей человечества, в частности, таких гениальных физиков XX века, как А. Эйнштейн и А. Сахаров.

Величайший открыватель истины А. Эйнштейн, создавший общую и специальную теорию относительности, открыл физикам путь к познанию атомного ядра, освобождению ядерной энергии и созданию атомной бомбы. Ученый понимал значение ядерного оружия для противодействия фашистской агрессии и сделал все для того, чтобы оно попало в надежные руки, которые распорядились бы им по справедливости. Поэтому 2 августа 1939 г. он с группой физиков обратился к президенту США Ф. Рузвельту с призывом развернуть работы по созданию атомной бомбы. Через шесть лет такая бомба была создана и была готова к использованию против Японии. Однако при этом могли пострадать тысячи мирных жителей. Когда такая угроза стала реальностью, А. Эйнштейн, осознавая катастрофические последствия использования ядерного оружия реакционными политиками, выступил против

его применения. Поэтому он вместе с другими физиками направил президенту Ф. Рузвельту 12 апреля 1945 г. еще одно письмо, пытаясь предотвратить тогда уже не столь необходимую атомную бомбардировку Японии. Но было уже поздно – в этот день Ф. Рузвельт ушел из жизни, а следующий президент США Г. Трумэн не остановился перед атомными ударами по двум японским городам – Хиросиме и Нагасаки, в результате которых были уничтожены сотни тысяч людей. Это стало личной трагедией А. Эйнштейна, которому было присуще острое чувство моральной ответственности за использование своих научных достижений.

Биографы ученого выделяют в его мировоззрении гуманистические убеждения в предназначении науки: «Для Эйнштейна наука была синонимом свободной мысли, служащей чему-то надличному и рациональному. Наука служит практическим интересам, не изменяя своему рациональному смыслу и выявляя этот смысл наиболее полным образом, если практические интересы состоят в рациональном, основанном на разуме и науке, а следовательно, на истине и справедливости, переустройстве общества и природы» [11, С. 373-374].

Именно поэтому А. Эйнштейн занял непримиримую позицию по отношению к реакционным политикам США, использовавшим ядерное оружие для угрозы миру и осуществляющим милитаризацию науки. Он выступил со своей позицией по телевидению в феврале 1950 г., а через три года, в разгул репрессий против свободы мысли в стране опубликовал в газете письмо, в котором призвал интеллигенцию встать на «революционный путь неповиновения в духе Ганди» власти, которая, подобная инквизиции, «оскверняет дух конституции. Если достаточное число людей вступит на этот тяжелый путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабство» [11, С. 375].

Почти через 45 лет после этого выступления другой гениальный физик, создатель советской водородной бомбы, академик Андрей Сахаров, повторил путь А. Эйнштейна и выступил против авторитарной системы правления в СССР, возглавив движение в защиту прав человека, свободы мысли, за утверждение демократии и социальной справедливости. Его гражданская позиция состояла в убеждении о необходимости конвергенции, то есть объединения всего лучшего, истинного и справедливого, что есть в странах с противоположными политическими системами. Эта мудрая позиция встретила противодействие со стороны власти, отправившей ученого в ссылку. Честная позиция Андрея Сахарова вызвала яростное противодействие и во время перестройки, когда он отстаивал ее во время своих выступлений в качестве народного депутата и в какой-то момент сердце правозащитника не

выдержало... «Свет истины часто обжигает руку того, кто его несет» (П. Буаст) [26, С. 174].

Эти два гения человечества, так же как и тысячи других подвижников прогресса цивилизации, показали пример принципиальности и последовательности в искании, утверждении и служении Истине и Правде, чему следует вся честная и правдивая часть человечества. К этому же стремится и творчески одаренная молодежь, которая четко осознает необходимость развития и применения своего гуманистического, духовного, интеллектуального потенциала в неутомимом открытии истины, отстаивании правды и решительном противодействии лжи и несправедливости.

Библіографія

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Под ред. В. Ф. Асмус.– Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
3. Гончаренко С. У. Етичний кодекс ученого / Естетика і етикапедагогічноїдії: Зб. наук.праць / Інститутпедагогічноїосвіти і освітидорослих НАПН України; Полтавськийнаціональнийпедагогічнийуніверситетім. В. Г. Короленка. – Вип. 1. – К., Полтава: ПНУімені В. Г. Короленка, 2011. – С. 25–34.
4. Гончаренко С. У. Педагогічнідослідження: Методологічніпоради молодим науковцям. – Київ – Вінниця: ТОВфірма «Планер», 2010. – 308 с.
5. Гончаренко С. У. Українськийпедагогічний словник. – К.: Либідь, 1997. – 376 с.
6. Енциклопедичний словник з державного управління / За ред. Ю. В. Ковбасюка, В. П. Трощинського, Ю. П. Сураїна. – К.: НАДУ, 2010. – 820 с.
7. Етичний кодекс ученого України / БюлетеньВищоїатестаційноїкомісіїУкраїни, 311 (145). – 2011. – С. 7–10.
8. Зязюн І. А. Філософіяпедагогічноїдії: Монографія. – Черкаси: Вид.від. ЧНУ імені Богдана Хмельницького, 2008. – 608 с.
9. Кант И. Антропология с практической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
10. КонституціяУкраїни, прийнята на п'ятійсесіїВерховної Ради Українивід 28 червня 1996 р. – К.: Феміна, 1996. – 64 с.
11. Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. 2-е изд.– М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 416 с.
12. Логика / Под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. – 280 с.
13. О честности и правдивости / Сост. Д. И. Шоя, А. Т. Губко. – К.: Рад.школа, 1983. – 93 с.
14. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

15. Помиткін Е. О. Психологія духовного розвитку особистості: Монографія. – К.: Наш час, 2007. – 280 с.
16. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 479 с.
17. Рыбалка В. В. Теорія особистості у вітчизняній психології та педагогіці: Навч. посібн. – Одеса: Букаєв Вадим Вікторович, 2009. – 575 с.
18. Рыбалка В. В. Психология чести и достоинства личности: культурологические и аксиологические аспекты: научно-метод. пособие / В. В. Рыбалка; НАПН Украины, Ин-т пед. образования и образования взрослых; Ин-т одаренного ребенка; МОН и НАПН Украины, Укр. научно-метод. центр практ. психологии и соц. работы. – Одесса: «ИНТЕРПРИНТ», 2010. – 414 с.
19. Самойлов А. Е. Психология парадоксального мышления или прогностический диалог теории и эмпирии. – Днепропетровск, 2007. – 185 с.
20. Скрипченко А. В., Лисянська Т. М., Скрипченко Л. О. Довідник з педагогіки і психології. – К.: Вид-во Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова. – 2000. – 216 с.
21. Стаматина О. Д. Структура и динамика процесса формирования честности у старшеклассников. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 140 с.
22. Сухомлинский В. А. Воспитание в духе правдивости и честности / В. А. Сухомлинский. Избранные произведения в пяти томах. – Т. 4. – К.: Рад. школа, 1980. – С. 201–207.
23. Філософський енциклопедичний словник / Голова редколегії В. І. Шинкарук. – К.: Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, Абрис, 2007. – 744 с.
24. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
25. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.
26. Энциклопедия афоризмов / Сост. М. Ф. Иванова, Л. Г. Стахурская. – Симферополь: «Реноме», ИД «Квадранал», 2004. – 576 с.